

INSPIRIA

ПОБЕДИТЕЛЬ ПРЕМИИ
GOLD DAGGER

ЛУЧШИЙ ТРИЛЛЕР
2020 ГОДА

МЫ НАЧИНАЕМ В КОНЦЕ

КРИС УИТАКЕР

INSPIRIA

Крис Уитакер
Мы начинаем в конце
Серия «Ток. Upmarket Crime
Fiction. Больше чем триллер»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66483456
Мы начинаем в конце: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-159383-4

Аннотация

ТОП-20 ЛУЧШИХ КНИГ AMAZON 2021 ГОДА
ЛУЧШИЙ ТРИЛЛЕР 2020 ГОДА ПО ВЕРСИИ GUARDIAN,
DAILY EXPRESS И MIRROR
ПОБЕДИТЕЛЬ ПРЕМИИ GOLD DAGGER ЗА ЛУЧШИЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН
БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

Вошел в шорт-листы таких престижных литературных премий, как Steel Dagger Award и Theakston's Crime Novel of the Year.

Рейтинг «Амазона» более 7000 со средней оценкой 4,5;
рейтинг «Гудридж» более 26 000 со средней оценкой 4,21.
Высочайшие оценки от таких мастеров жанра, как А.Дж. Финн,
Джон Харт, Луиза Пенни, Кристин Ханна.

Это не просто триллер, а высокая литература, способная удовлетворить даже самого взыскательного читателя. И вместе с тем он однозначно понравится обычному читателю, любящему увлекательные, мастерски написанные остросюжетные истории.

Как убежать от прошлого, если жизнь – это замкнутый круг?

Тридцать лет назад Винсент Кинг стал убийцей. Отсидев весь срок, он возвращается в родной городок на побережье Калифорнии, где далеко не все рады видеть его снова. Например, Стар Рэдли – бывшая девушка Винсента и... родная сестра той, кого он убил.

Тридцать лет назад шериф Уокер был лучшим другом Винсента Кинга. Он так и не смог избавиться от всепоглощающего чувства вины. Ведь именно из-за его показаний Винсент на несколько десятков лет угодил в тюрьму.

Тридцать лет назад Дачесс Рэдли еще не родилась. Ей всего тринадцать, а она уже считает себя «вне закона». Правила придуманы для других – не для нее. Только она способна позаботиться о маленьком братике и беспутной матери, которую Дачесс, несмотря ни на что, яростно защищает.

И теперь эта ярость запускает цепь событий, обернувшихся трагедией не только для ее семьи, но и для всего города...

Роман, который все называют шедевром. Роман об убийстве и возмездии. О тайнах и лжи. О том, на что готовы пойти люди, защищая тех, кого любят. О нерушимой связи между друзьями, семьей и возлюбленными. О добре и зле, и о нас – проживающих всю свою жизнь где-то между...

«Этот великолепный роман моментально стал классикой... После того, как вы перевернете его последнюю страницу, вам будет очень сложно – как было и мне – описать этот опыт... Роман

отчетливо американский – и в то же самое время абсолютно общемировой». – А. Дж. Финн

«Этот роман – тот самый прорыв, о котором мечтает каждый издатель. Богатый как в смысле сюжета, так и характеров, полный конфликтами и напряжением, юмором и трагедийностью, острым писательским чутьем... Добавьте сюда самый убедительный юный персонаж, ничего подобного которому не встречалось последние 10 лет, – и получите наполненную глубоким смыслом историю, наслаждение от первой страницы до последней. Великолепная работа, мистер Уитакер!» – Джон Харт

«Мне очень понравилась эта книга – и захватывающий сюжет, и изящный стиль. Но самое главное в ней – это характеры, особенно молодая Дачесс. Свирепая, отважная и очень уязвимая, она спрыгивает к вам со страниц как живая. И Уок... Какое удачное имя! Инспектор полиции в своем собственном неумолимом путешествии... Это книга, которую нужно читать и перечитывать – и нахваливать автора». – Луиза Пенни

«Законченная и очень трогательная история преступления, наказания, любви и искупления». – Guardian

«Эпическая драма и безусловный шедевр. Вряд ли мы прочтем нечто подобное в ближайшее время». – Mirror

Крис Уитакер – не новое имя в литературе. Два его предыдущих романа получили массу восторженных отзывов критиков, а книга «Высокие дубы» завоевала премию CWA John Creasey New Blood Dagger Award за лучший дебют.

Представляемый вашему вниманию роман стал подлинным событием в мире литературы. Моментальный бестселлер New York Times, он также получил статус главного триллера 2020 года

по версии ряда британских периодических изданий, а также взял престижнейшую литературную премию Gold Dagger Award.

Крис живет в Англии вместе с женой и тремя детьми.

Как найти свою книгу от издательства Inspiria? Читайте подробный гид по книгам импринта в [ЛитРес: Журнале](#)

Содержание

Часть I. Та, что вне закона	10
1	10
2	23
3	31
4	43
5	63
6	82
7	98
8	113
9	125
10	139
Часть II. Большое небо	150
11	150
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Крис Уитакер

Мы начинаем в конце

Chris Whitaker

We Begin At The End

Copyright © 2020 by Chris Whitaker. This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© Фокина Ю.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается моим читателям, которые были со мной в Толл-Оукс, затем – в алабамском городе Грейс¹ и вот теперь отправятся в Кейп-Хейвен. Когда я пробуксовываю, вы вдохновляете меня двигаться дальше.

Сказано было: если что заметишь – руку вверх.

Неважно, окурок это или банка из-под колы. Заметил –

¹ Имеются в виду населенные пункты, где разворачивается действие первых двух романов К. Уитакера – Tall Oaks и All the Wicked Girls. – Здесь и далее прим. пер.

вскинул руку.

А прикасаться – ни-ни.

Просто: руку вверх.

Начали с речки, пошли вброд. Двигаться велено было цепью – несколькими цепями; расстояние – двадцать шагов, сотня глаз шарит по поверхности. Мало ли что велено, они держались вместе. Танец проклятых так поставлен – чтобы вместе его исполнять.

Позади – опустевший город, еще недавно, до известия, гулкий в предвкушении очередного долгого лета.

Сисси Рэдли. Возраст: семь лет. Волосы белокурые. Все ее знали, инспектору Дюбуа даже не пришлось раздавать фотографии.

Уок стал крайним в цепи. У него, бесстрашного в свои пятнадцать, коленки при каждом шаге подгибались.

Шли, будто армия. Во главе – копы с фонариками. Вдали, за деревьями, за мельтешеньем сквозных лучей, светился ночной океан. Плавать Сисси Рэдли не умела.

Марта Мэй шагала рядом с Уоком. Они уже три месяца встречались, но дальше первой стадии отношений не продвинулись – отец Марты был священником в приходе епископальной церкви Литтл-Брук.

Марта стрельнула глазами на Уока.

– Не передумал копом становиться?

Сам Уок глядел Дюбуа в спину. Видел: плечи еще расправлены, значит, Дюбуа не теряет надежды.

– Стар идет в первом ряду, – продолжала Марта. – С отцом. Плачет.

Стар Рэдли, старшая сестра пропавшей девочки. Лучшая подруга Марты. Член их неразлучной четверки. Только сейчас в четверке одного человека не хватало.

– А где Винсент? – спросила Марта.

– Мы с ним утром виделись. Наверное, по той стороне пошел.

Уок и Винсент были как братья. В девять лет ладони надрезали, скрепили дружбу кровью и клятвой в вечной верности – что бы ни случилось, кем бы каждый из них ни стал.

Больше Уок и Марта не болтали. Под ноги смотрели. Молча пересекли Сансет-роуд, миновали дерево желаний. Загребали кедами прошлогоднюю листву. А улику Уок чуть не проворонил, даром что не отвлекался.

Точка – в десяти шагах от Кабрильо. Если по хайвею Стейт-роут-один считать – шестисотая миля Калифорнийского побережья. Уок застыл над находкой. Поднял глаза – увидел, что цепь движется дальше без него.

Он присел на корточки.

Туфелька. Красно-белая кожа, золоченая пряжечка. Ехавший по шоссе автомобиль сбавил скорость, фары выцепили склонившегося Уока.

Тут-то он ее и увидел.

Вдохнул поглубже и вскинул руку.

Часть I. Та, что вне закона

1

Уок стоял поодаль от разгоряченной толпы. Многих знал, сколько себя помнил; многие знали его, сколько себя помнили. Были еще приезжие, отпускники с фотоаппаратами и бездумными улыбками. Этим невдомек, что вода сейчас слижет далеко не одни только стены с крышей.

Здесь и репортерша с радиостанции «Кей-си-эн-эр».

– Пара вопросов, инспектор Уокер! Разрешите пару вопросов!

Он улыбнулся, сунул руки в карманы и хотел уже ответить, но в это мгновение толпа выдохнула, как один человек.

С характерным шорохом обрушилась кровля, поползла с обрыва в океан. Пошаговый распад; несколько минут – и дом умалается до фундамента, который в данном случае можно уподобить скелету. Жилище Фейрлонов; в детстве Уока отсюда до полосы прибоя было целых пол-акра. Год назад этот утес объявили опасной зоной, огородили. Приезжали люди из Калифорнийского департамента дикой природы; делали замеры, фиксировали скорость почвенной эрозии.

Щелчки фотоаппаратов и оживление, не подобающее ни местным, ни чужим; грохот шифера, трещина по парадному

крыльцу. Милтон, мясник, встав на одно колено, успел сделать кадр на миллион. Флагшток накренился, флаг обвис.

Младший сын Тэллоу подошел слишком близко. Мать схватила его за ворот, дернула с такой силой, что пацан шлепнулся на пятую точку.

Казалось, солнце падает в океан вместе с домом; водная гладь была раскромсана на полосы – оранжевые, лиловые, еще бог знает какие; названий оттенкам пока не придумали. Репортерша получила свое; интервью и пара снимков станут ключком истории – столь незначительным, что его выпадение не потянет даже на прореху.

Уок огляделся. Заметил Дикки Дарка. Великан – росту почти семь футов, глаза безучастные. Связан с недвижимостью. Владеет несколькими кейп-хейвенскими домами да еще клубом в Кабрильо. Заведение той руки, где порок идет по десять баксов, а разборчивость неуместна.

Прошел еще час. Ноги Уока затекли, а крыльцо все никак не отваливалось; когда же в итоге рухнуло – зрители подавили порыв заплодировать. Потоптались чуть и разошлись жарить барбекю, пить пиво, жечь костры – их отсветы скрасят Уоку вечернее патрулирование. Толпа пересекла мощенную плитами улицу, потекла вдоль серой стены, сооруженной методом сухой кладки, однако до сих пор не тронутой эрозией. За стеной рос огромный дуб, такой древний, что для его ветвей были сооружены подпорки. Кейп-Хейвен всеми силами пытался сохранить себя в прежнем виде.

Однажды, так давно, что те времена и считаются едва ли могли, Уок забрался на этот дуб вместе с Винсентом Кингом. И вот он стоит – одна дрожащая рука на рукояти табельного оружия, другая – на ремне, на шее галстук, воротник форменной рубашки будто из цемента, ботинки блестят. Кое-кто в Кейп-Хейвене восхищается привязанностью Уока к родным местам, кое-кто его за это жалеет. Инспектор Уокер – капитан судна, которое так и не покинуло порт.

Девочку он заметил боковым зрением. Она шла против течения толпы и тащила за руку брата, едва за ней поспевавшего.

Дачесс² и Робин, по фамилии Рэдли.

Ему пришлось пуститься бегом, чтобы нагнать детей.

Мальчику было пять. Он беззвучно плакал. Девочке было тринадцать. Она не плакала. Ни сейчас, ни вообще.

– Ваша мама, – произнес Уок с утвердительной интонацией. Констатировал факт столь трагический, что девочка даже не кивнула. Только развернулась и пошла первой.

Все трое двинулись по сумеречным улицам, мимо заборов из штакетника, мимо парадных дверей, украшенных гирляндами. Взошла луна. Она и направляла, и глумилась; обычное ее занятие в последние тридцать лет. Штакетник сменился зловеще-прекрасными виллами из экологических стекла и стали; вилл была целая улица.

Дженесси-стрит, где Уок жил в старом доме, доставшемся

² Англ. слово duchess переводится как «герцогиня».

ему от родителей, перетекла в Айви-Ранч-роуд. Вдали замаячил дом Рэдли. Приблизились. Облупленные ставни, перевернутый велик во дворе, рядом валяется колесо. В городках вроде Кейп-Хейвена контрасты особенно яркие.

Уок оставил детей, бросился к дому. Свет не горел, однако через окно он видел, как мигает в гостиной телеэкран. Робин продолжал плакать, взгляд девочки был тяжел и неумолим.

Стар, одетая полностью, но обутая лишь на одну ногу, лежала на диване. Рядом – бутылка. На сей раз обошлось без таблеток. Уок отметил, какая маленькая у нее ступня и какой свежий педикюр.

– Стар! – Он опустился на колени, похлопал ее по щекам. – Стар, очнись!

Уок говорил вполголоса, потому что под дверью ждали дети. Дачесс обнимала Робина; тот привалился к ней спиной, словно в маленьком его теле не осталось костей.

Уок велел девочке позвонить 911.

– Позвонила уже, – ответила Дачесс.

Пальцами он оттянул веки Стар, увидел только белки.

– Мама поправится? – пискнул Робин.

Уок поднял взгляд, прищурился на яркое небо. Хорошо бы раздалась сирена «Скорой помощи».

– Дачесс, ступай, «Скорую» встретить.

Девочка уловила посыл и вывела брата вон.

Стар содрогнулась всем телом. Ее вырвало, но несильно. Снова судорога, будто ее душа пребывала в руках Господа

Бога (или, может, Смерти), и вот руки эти разжались. Целых тридцать лет минуло после Сисси и Винсента Кинга, но голова у Стар, судя по ее речам, по-прежнему забита идеями этернализма – якобы прошлое и настоящее сталкиваются, время оборачивается вспять, никакого будущего быть не может, ничего не исправишь.

* * *

Дачесс уехала на «Скорой». Договорились, что позднее Уок привезет Робина.

Санитар долго хлопотал над матерью. Дачесс испытывала к нему благодарность – он в ее сторону дурацких улыбок не кроил. Санитар был немолодой, лысеющий; от усилий взмок. Наверное, его достало откачивать всяких, которые так и так не жили.

Они немного постояли возле дома. Для Уока эта дверь всегда была открыта. Он положил руку на плечико Робина. Знал, что мальчик нуждается во взрослом защитнике, утешается его кратковременным наличием.

В доме напротив шевельнулись занавески. Тени – и те выражали осуждение. Вдали Дачесс увидела ребят из своей школы. Раскрасневшиеся, они гнали на великах к их дому. Понятно. Там, где зонирование столь контрастное, что проблема выносится на первые полосы газет, новости быстро распространяются.

Двое мальчишек затормозили возле автомобиля Уока, прыгнули на землю, даже велики свои не поддержали, позволили им упасть. Тот, который повыше – запыхавшийся, с прилипшим ко лбу чубом, – осторожно двинулся к «Скорой».

– Умерла, что ли?

Дачесс вздернула подбородок, перехватила взгляд пацана и, удерживая его, выплюнула:

– Проваливай.

Заработал двигатель, дверь закрылась. Мир расплылся за тонированным стеклом. Автомобиль Уока и «Скорая» по очереди съехали по крутому спуску. Позади остался Тихий океан. Из воды у берега торчали скалы – словно головы утопающих.

Дачесс все смотрела в окно – пока не кончилась ее улица, пока деревья не соприкоснулись кронами, обозначив, что «Скорая» выехала на Пенсакола-стрит. Ветви были как ладони – смыкались в молитве за девочку и ее брата и разворачивались, как трагедия, старт которой был дан задолго до рождения их обоих.

* * *

Каждая ночь обрушивалась на Дачесс с неумолимой внезапностью, с посылом, что нового дня она не встретит – по крайней мере, в таком виде, в каком он является другим де-

тям. Что до больницы «Ванкувер-Хилл», ее Дачесс знала как свои пять пальцев. Мать сразу повезли в палату. Дачесс застыла в коридоре, где полы, натертые до блеска, почти отражали ее фигурку. Она стояла, не отрывая взгляда от двери. Вскоре вошел Уок вместе с Робинсом. Дачесс перехватила ручонку брата, повела его к лифту. Они поехали на второй этаж. В семейной комнате, при тусклом свете, Дачесс составила вместе два стула, выскользнула в коридор, взяла в подсобке несколько пышных одеял и устроила Робина постель. Мальчуган еле держался на ногах. Усталость обвела его глаза темными кругами.

– Писать хочешь?

Последовал кивок.

Дачесс отвела брата в уборную, осталась ждать. Через несколько минут под ее наблюдением он тщательно вымыл руки. Она нашла тюбик зубной пасты, выдавила каплю себе на палец и повозила по зубкам и деснам мальчика. Робин сплюнул, Дачесс промокнула ему рот.

В комнате она помогла брату разуться и вскарабкаться на импровизированную кровать. Он улегся, свернулся, как зверек. Дачесс подоткнула одеяло.

Казалось, больничная ночь удерживает взгляд Робина.

– Не бросай меня.

– Никогда не брошу.

– А мама поправится?

– Конечно.

Дачесс выключила телевизор. Комната погрузилась бы в полную тьму, если б не красная аварийная лампа. Свет был достаточно мягок, не мешал Робину заснуть. Дачесс шагнула к двери.

Вот так она и будет стоять, всю ночь продежурит. Никого сюда не пустит. Кому надо – пускай едет на третий этаж, там тоже есть семейная комната.

Через час пришел Уок. Раззевался, будто у него на то причина была. Дачесс знала, чем он занят по целым дням. Катается по хайвею от Кабрильо до Кейп-Хейвена и других таких же городков, что лежат на побережье. Красота немыслимая; можно зажмуриться, открыть глаза в любой момент, глянуть в любую сторону – вид будет как фотка, снятая в раю. Ради этой красоты людям не влом тащиться через всю страну. Приезжают сюда к ним, дома скупают, которые потом по десять месяцев в году пустые стоят...

– Спит? – спросил Уок.

Дачесс кивнула.

– Я насчет мамы вашей узнал. Она поправится.

Второй кивок.

– Сходи возьми себе чего-нибудь в автомате – колы, например. Он там, сразу за...

– Знаю.

Дачесс обернулась. Брат спал крепко. Не шевельнется, пока его за плечико не потрясешь.

Уок протянул ей долларовую купюру, она заколебалась,

но взяла.

Миновала коридор, купила в автомате содовую. Даже не пригубила – это для Робина. По дороге обратно к семейной комнате прислушивалась, когда могла – заглядывала в палаты. Писк младенцев, всхлипывания – жизнь. Иные пациенты лежали, подобно пустым скорлупкам. Эти – Дачесс знала – не оклемаются. Еще знала, что копы привозят сюда, в больницу, всяких отморозков – ручки татуированы, рожи раскровянены. Потому и перегаром воняет. И хлоркой, и блевотиной, и дерьмом.

Дачесс прошла мимо дежурной медсестры. Получила улыбку. Ее тут почти все знали в лицо. Бедная девочка, вот же не повезло с мамашей...

Пока Дачесс не было, Уок притащил два стула, поставил под дверь. Дачесс села не прежде, чем проверила, не проснулся ли Робин.

Уок протянул ей жвачку, она отрицательно качнула головой.

Ясно: он хочет поговорить. Сейчас заведет про перемены: мама, типа, оступилась – с каждым случается, – но скоро всё будет иначе.

– Ты им не звонил.

Уок глядел вопросительно.

– В соцзащиту, говорю. Ты туда не звонил.

– А надо было.

Грусть в голосе. Будто Уок – предатель; либо Дачесс пре-

даёт, либо значок свой полицейский.

– Но ты все равно звонить не станешь?

– Не стану.

Живот у него – аж рубашка трещит. Щеки толстые, румяные – как у балованного мальчишки, который ни в чем не знал отказа. Лицо открытое – невозможно представить, чтобы у человека с таким лицом были секреты. Стар всегда говорила, что Уок очень-очень хороший. Как будто в хороше-сти дело...

– Шла бы ты поспала.

Они сидели под дверью, пока не начали гаснуть последние звезды. Луна позабыла свое место. Бледнела, как пятно на новом дне, как напоминание о том, что минуло. Окно было прямо напротив них. Дачесс прижалась лбом к стеклу – к деревьям в больничном дворе, к виду на океан, к обрыву, который – она знала – вот как раз за этими деревьями. Запели птицы. Взглядом Дачесс скользила дальше, дальше, пока не выцепила с полдюжины колеблющихся точек на полпути к горизонту. Это были траулеры.

Уок откашлялся.

– Твоя мама... в том, что с ней, виноват мужчина?

– Мужчина всегда виноват. Без мужчины ни одна дрянь на свете не происходит.

– Это был Дарк?

Дачесс застыла.

– Не можешь мне сказать?

– Я – вне закона.

– Понял.

У Дачесс в волосах был бантик, и она его трепала, дергала. Слишком она худенькая, слишком бледненькая, думал Уок. Слишком красивая – вся в мать.

– Здесь, в больнице, только что малыш родился, – сменил тему Уок.

– И как его назвали?

– Не знаю.

– Ставлю пятьдесят баксов, что не Дачесс.

Уок осторожно рассмеялся.

– Ну да, имя у тебя редкое. Экзотическое. Ты в курсе, что поначалу твоя мама хотела назвать тебя Эмили?

– «Шторм должен быть жесток»³.

– Точно.

– Она до сих пор этот стих Робину читает. – Дачесс села, закинула ногу на ногу, потеряла бедро. Кроссовки у нее были растоптанные, заношенные. – Скажи, Уок, этот шторм меня сметет?

Уок прихлебывал кофе – тянул время, будто ответ на ее вопрос мог оформиться сам собой.

– Мне нравится твое имя, – наконец выдал он.

– Побыл бы ты в моей шкуре. Родись я мальчишкой, меня

³ And sore must be the storm – широко известная цитата из стихотворения Э. Дикинсон «Надежда – она пернато» (*англ.* Hope is a thing with feathers).

назвали бы Сью⁴. – Дачесс откинула голову; перед глазами замелькали яркие полосы. – Она хочет умереть.

– Ничего подобного. Даже не сомневайся.

– Не пойму, самоубийство – оно про безграничный эгоизм? Или про безграничное самопожертвование?

В шесть медсестра отвела Дачесс к матери.

Стар казалась тенью на койке. Человеческого в ней было всего ничего, материнского – еще меньше.

– А вот и Герцогиня Кейпхейвенская. – Она вымучила улыбку. – Все хорошо.

Дачесс молчала. Мать заплакала. Дачесс приблизилась, легла щекой ей на грудь. Подумала: странно, что сердце еще бьется.

Так они лежали вместе, пока не взошло солнце. Начался новый день – без света для Дачесс, без обещаний. Насчет последних – и лучше, что их нет. Потому что обещания – ложь.

– Я тебя люблю. Прости.

В другое время Дачесс, может, и высказалась бы. Но в тот момент еехватило только на эхо материнских слов:

⁴ Дачесс имеет в виду песню Джонни Кэша «Парень по имени Сью» (*англ.* A boy named Sue) о мальчике, которого отец назвал женским именем и бросил. Когда подросток Сью отыскал отца, захотев убить его, старый негодяй объяснил свой выбор так: «Ты должен был научиться постоять за себя, и вот – сработало. Ты с детства доказывал кулаками, что ты настоящий мужчина». Известен случай, когда Джонни Кэш исполнял эту песню в тюрьме, к полному восторгу заключенных. Сейчас «Сью» на жаргоне означает пассивного гомосексуалиста.

– Я тоже тебя люблю. И не сержусь.

Земля обрывалась за гребнем холма.

Солнце ползло по лазурному небосклону вверх. На заднем сиденье Дачесс крепко сжала ладошку Робина.

На их улице Уок сбавил скорость, возле их дома остановился. Дачесс и Робин вошли первыми, Уок – за ними. Он хотел приготовить завтрак, но в кухонных шкафах было пусто, хоть шаром покати. Уок сгонял в заведение Розы, вернулся с оладьями. Под его улыбку Робин съел три штуки.

Умыв брату личико и приготовив для него перемену одежды, Дачесс вышла в парадную дверь. Уок сидел на террасе, прямо на ступенях. Кейп-Хейвен просыпался, как всегда, без суеты. Проехал почтальон, появился Брендон Рок, сосед из дома напротив, размотал шланг и начал поливать лужайку. Ни один, ни другой ничем не выказали, что удивлены – почему, мол, возле дома Рэдди торчит автомобиль Уока? Вот и хорошо, подумала Дачесс. В следующую секунду она поняла: хорошего как раз мало.

– Подвезти вас с Робинсом в школу?

– Нет. – Дачесс села рядом с Уоком и зашнуровала кроссовки.

– Могу маму забрать домой.

– Она сказала, что Дарку позвонит.

Истинная природа дружбы между Стар и Уоком была

неизвестна Дачесс. Она полагала, что Уок, как и остальные мужчины в Кейп-Хейвене, хочет трахнуть ее мать.

Ее взгляд скользнул по двору. Прошлым летом они с мамой задумали устроить настоящий сад. Робин купил леечку и бегал с ней туда-сюда, таскал воду, увлажнял землю. Раскраснелся, запыхался. Посеяли немофилу, мальвы, посадили краснокоренник.

Без ухода все растения погибли.

– Она не говорила, почему... из-за чего... всё? – мягко начал Уок. – Ну, вчера вечером?

Вопрос отдавал жестокостью. А жестокость не свойственна Уоку, считала Дачесс. Такое впечатление у нее сложилось главным образом потому, что тот ничего подобного раньше не спрашивал. Впрочем, ясно, почему сегодня он решился. Дачесс была в курсе насчет Винсента Кинга и тети Сисси. Тетя Сисси покоилась над обрывом, под забором из штакетника, давно выбеленного солнцем. Каждый знал ее могилку. На том конце кладбища хоронили только детей. Тех, чьи жизни оборвал Бог – ага, тот самый, которому молились родители.

– Не говорила, – отрезала Дачесс.

За их спинами хлопнула дверь. Робин. Дачесс поднялась, пригладила брату волосы, поцеловала палец и стерла пятнышко зубной пасты с его мордашки, затем проверила рюкзачок – не забыты ли учебник, дневник и бутылочка воды. Поправила ремешки на плечиках Робина. Мальчик улыбнулся, и Дачесс улыбнулась в ответ.

Брат и сестра стояли плечом к плечу, глядя, как уезжает Уок. Когда автомобиль достиг середины улицы, она, длинная, стала визуально короче. Дачесс обняла Робина, и вместе они вышли за калитку.

Сосед выключил шланг и двинулся, прихрамывая, по своей территории вдоль забора. Хромота была бы гораздо заметнее, если бы Брендон Рок не прикладывал столько усилий к ее маскировке. Крупный, широкоплечий, загорелый. В ухе серьга, стрижка «каскад», шелковый халат. Брендон Рок любил посидеть на скамейке возле гаража – дверь приподнята, окрестности сотрясает хеви-метал.

– Снова мать отличилась?.. Нет, пора, пора звонить в соцзащиту.

Казалось, голос, как и нос, в свое время сломали и не вправили. В одной руке Брендон Рок держал гантель, показывал ею. Правая рука у него была заметно мускулистее, чем левая.

Дачесс обернулась.

Налетел ветер, распахнул полы халата.

Дачесс сморщила нос.

– Эксгибиционизм при несовершеннолетних. Я полицию вызову.

Под Брендоновым взглядом брат потащил ее прочь.

– Заметила, как у него руки тряслись? Я про Уока, – сказал Робин.

– Утром человеку всегда хуже.

– Почему?

Дачесс пожала плечами – мол, не знаю. На самом деле она знала. Стар и Уок переживают по одному и тому же поводу; наверняка Уок справляется с болью тем же способом, что и ее мать.

– Вчера мама ничего не говорила, а, Робин? Когда я у себя в комнате была?

В школе задали нарисовать семейное древо. Над ним-то Дачесс и корпела, когда Робин заколотил в ее дверь кулачками, когда закричал, что маме снова плохо.

– Она фотки повытащила – старые, на которых Сисси и дедушка.

Робин вбил себе в голову, что у них есть дедушка. Увидел на фото высокого мужчину – и всё, уже готов. Не самого дедушку, главное, а только снимок! Что из матери слова на эту тему не вытянуть, Робина и не смущало вовсе. Ему нужна была родня. Хотя бы одни имена; все равно они вроде подушки безопасности. Иначе и шагу не ступишь – страшно. Дачесс знала, о чем он мечтает. Чтоб по воскресеньям барбекю жарить с дядюшкой, чтобы с двоюродными братьями в футбол гонять – не хуже, чем ребята из класса.

– Ты слыхала про Винсента Кинга?

Они как раз переходили Фишер-стрит. Дачесс взяла Робина за руку.

– Почему ты спрашиваешь? Что тебе известно?

– Что он убил тетю Сисси. Тридцать лет назад. В семиде-

сятые, когда каждый дядька ходил с усами, а мама причесывалась по-другому, чем как сейчас.

– Сисси нашей тетей не была.

– Была, – просто сказал Робин. – Она совсем как ты и мама. Вы трое почти одинаковы.

Дачесс добывала информацию по крупицам. Занималась этим последние несколько лет. В дело шло все – пьяный лепет матери, архивы в библиотеке окружного центра Салинас. И местная библиотека – Дачесс там всю весну трудилась над семейным древом. Линию Рэдли проследила в глубь времен. Уронила книгу на пол, обнаружив свое родство со знаменитым Билли Блю Рэдли. Так и не пойманным, кстати. Повод для затаенной гордости, нечто особенное – этим Дачесс козырнет, когда настанет ее очередь выйти к доске. Зато со стороны отца – большущий вопросительный знак. Вроде крючка, которым пытаешься вытянуть из матери правду, а вытягиваешь скандал. Не раз, а целых два раза мать ложилась с мужчиной, дважды беременела, родила двоих детей, которым светит всю жизнь недоумевать, чья кровь струится в их жилах. «Шлюха» – это слово, произнесенное едва слышно, на выдохе, вылилось для Дачесс в целый месяц домашнего ареста.

– Ты знаешь, что его сегодня из тюрьмы выпустят? – Робин говорил почти шепотом, будто страшную тайну раскрывал.

– Кто тебе сказал?

– Рикки Тэллоу.

Мать Рикки Тэллоу работала диспетчером в полицейском участке.

– Что еще сказал Рикки?

Робин стал смотреть в сторону.

– Отвечай, Робин.

Раскололся он на удивление быстро.

– Что Винсента Кинга надо было поджарить. Но тут мисс Долорес услышала и накричала на Рикки.

– А ты знаешь, как это – поджарить?

– Нет.

Дачесс опять взяла брата за руку – они пересекали Вирджиния-авеню. Здесь участки с домами были попросторнее. Кейп-Хейвен уверенно подбирался к океану; недвижимость с каждой следующей пляжной линией падала в цене по законам обратной пропорциональности. Насчет своего дома Дачесс не питала иллюзий – дом стоял на самой удаленной от пляжа улице.

Они с Робинот влились в толпу, которая приближалась к школе. Дачесс уловила шепот – что-то про ангелов и предопределенность.

У школьных ворот она еще раз пригладила Робину волосы и проверила, правильно ли застегнуты пуговики его рубашки.

Садик находился сразу за Хиллтопской средней школой. Большую перемену Дачесс, как обычно, проведет возле забора, который разграничивает школьный двор и игровую пло-

щадку для малышей. Она должна отслеживать Робина. Тот будет ей махать и улыбаться; она будет жевать сэндвич и смотреть в оба.

– Веди себя хорошо.

– Ага.

– Про маму никому ни слова.

Дачесс обняла брата, поцеловала в щеку, дождалась, пока появится мисс Долорес, пока заметит Робина. Лишь убедившись, что брат под опекой воспитательницы, Дачесс направилась к школе, нырнула в толпу ребят.

На крыльцо, где вокруг Нейта Дормена тусовались подлипалы, Дачесс всходила с низко опущенной головой. Не срабатало. Нейт – воротник рубашки торчком, рукава закатаны, видны жилистые предплечья – буквально вырос перед ней.

– Говорят, мамаша твоя снова в дерьмо вляпалась.

Подлипалы заржали хором.

Дачесс резко подняла взгляд.

Нейт не стушевался.

– Чего вылупилась?

Она все смотрела ему в глаза. Потом отчеканила:

– Я – Дачесс Дэй Рэдли, и я вне закона. А ты, Нейт Дормен, – трусливый койот.

– Психопатка.

Дачесс сделала шаг вперед. Заметила, как судорожно сглотнул Нейт.

– Еще слово о моей семье вякнешь – башку тебе оторву,

ублюдок.

Нейт попытался рассмеяться. Не очень-то у него получилось. О Дачесс он всякого наслушался. Субтильная, со смазливой мордашкой – это верно. Зато если разъярится – знай держись. Тогда и приятели не вступятся.

Дачесс проследовала в открытую школьную дверь. До нее донесся шумный выдох Нейта Дормена. Дачесс не оглянулась – Нейт мог заметить, что у нее глаза красные после очередной мучительной ночи.

Целую милю продолжалась застывшая пляска утесов, обреченных эрозии. Далее шоссе выныривало к бухте, огибало ее по самому краю, чтобы скрыться в дубовой роще на Клируотер-Коув. Уок удерживал скорость – тридцать миль в час, не больше.

Простившись с Дачесс и Робинотом, он поехал к дому Кинга. Сгрел листву с дорожек, собрал мусор во дворе. Обычное его еженедельное занятие в последние тридцать лет.

Оттуда направился в полицейский участок. Отметился у Лии Тэллоу, диспетчерши. Собственно, только они двое и работали. Уок за всю жизнь ни дня не пропустил. Готов был сорваться по первому звонку. За сменой времен года, за приездом-отъездом курортников наблюдал из окна. Периодически ему оставляли объемистые корзины – на добрую память. Вино, сыр, шоколад... Тем не менее что ни год, в брючном ремне приходилось буравить новую дырку.

Правда, была еще одна сотрудница, на полставки – Лу-Энн. Являлась, если в ней возникала нужда, – например, когда в их краях проходили парады, шоу всякие. Или просто когда домашние хлопоты до воя опротивеют.

– Ну что, готов? В смысле, к возвращению Кинга?

– Я лично еще тридцать лет назад подготовился; с тех пор – как штык. – Уок старался контролировать свою улыбку.

ку. – Сейчас у меня обход; на обратном пути слоек куплю, пирожков...

Каждое утро он прохаживался по Мейн-стрит. Этакий полицейский ритуал – уверенный шаг, деловитое выражение лица. Учился по сериалам. Одно время носил усы, как Томас Салливан Магнум⁵; «Медицинский детектив»⁶ с блокнотом и ручкой смотрел. Даже купил бежевый плащ. Вот подвернется настоящее дело – а он, Уок, во всеоружии.

На Мейн-стрит фонарные столбы щеголяли флажками, сверкающие внедорожники плотно стояли у тротуара, практически по всей длине затененного зелеными маркизами. Кертис Паттерсонс загородил выезд своим «мерсом». Уок не стал выписывать штраф. При встрече он по-дружески посоветует Кертису впредь быть внимательнее.

Мясная лавка. Миновать ее, избежать разговора с Милтоном. Уок ускорил шаг, но Милтон уже вышел, подпер прилоку. Белый фартук в красных пятнах, пальцы тискают полотенце – будто вся эта кровища вот так вот запросто стирается.

– Доброе утро, Уок.

Зверообразный Милтон. Ни дюйма на теле не найдется, где не курчавились бы жесткие волосы. Тип из тех, кому надо бриться трижды в день, причем по скулы включительно –

⁵ Главный герой сериала «Частный детектив Магнум». Сериал демонстрировался в 80-е годы XX в., роль Магнума сыграл Т. У. Селлек.

⁶ Англ. Forensic Files, документальный телесериал, выходил с 1996 г.

иначе какой-нибудь заезжий владелец зоопарка стрельнет в него дротиком со снотворным.

В окно был виден олень, подвешенный на крюк. Может, еще вчера бродил по хвойным лесам Мендосино, и вот – убит Милтоном и вздернут. Милтон – заядлый охотник. Как сезон начинается – он мясную лавку закрывает, нахлобучивает войлочную шляпу, загружает в свой «Джип Команч» ружья, одеяла и сумку-холодильник с баночным пивом... Уок однажды не придумал внятной отмазки – и пришлось ехать охотиться с Милтоном.

– Ты Брендона Рока уже допрашивал? – Слова, особенно имя «Брендон Рок», были практически выплюнуты. Будто Милтону дыхания не хватило на нормальную фразу, будто он запыхался неизвестно с чего.

– Еще нет, но он в списке.

Брендоновский «Мустанг» имел проблемы с системой зажигания. Пыхал выхлопами, чихал и громыхал, да так, что, когда это случилось впервые, половина соседей кинулась звонить в полицию. Брендон так ничего и не предпринял, и улица задыхалась.

– Я уже в курсе. Насчет Стар. Опять ее угораздило. – Кровавой тряпкой Милтон отер пот со лба. Поговаривали, что он питается исключительно мясом. Если так – понятно насчет волосатости.

– Стар в порядке. На этот раз ей просто стало нехорошо.

– Я все видел. Безобразие. Еще и при детях.

Милтон жил аккуратно напротив Рэдли; Стар и детьми интересовался скорее от одиночества, а не по должности (возглавляемый им Соседский дозор давно уже не котирировался на Айви-Ранч-роуд).

– А ты всегда все видишь, Милтон... Тебе бы в полиции работать.

Милтон только рукой махнул.

– Мне и Дозора хватает. Вон, «десять – пятьдесят один» передали на днях.

– «Необходим эвакуатор», – расшифровал Уок.

Тен-кодами⁷ Милтон швырялся направо и налево.

– Повезло ей, что ты ее опекаешь... – Милтон извлек из кармана зубочистку и занялся мясной ниткой, что застряла у него меж передних зубов. – Я тут про Винсента Кинга думал. Говорят, он сегодня выходит – это правда?

– Правда.

Уок нагнулся, подставив солнцу открытый участок шеи; поднял банку из-под пива, бросил в урну.

Милтон присвистнул.

– Тридцать лет, Уок.

Должно было быть десять, и то – в худшем случае. И было бы, если б не драка. Отчета о ней Уок не видел, знал только,

⁷ Речь идет о системе т. н. десятичных кодов, или тен-кодов, – специальных сокращений, которые используются операторами радиостанций для ускорения передачи информации. Коды были разработаны в 1937 г. Ассоциацией средств связи и общественной безопасности и позднее адаптированы для гражданского диапазона.

что на его друге две смерти. Десять лет переросли в тридцать, непредумышленное убийство – в умышленное с особой жестокостью; пацан вырос в мужчину.

– Тот день из памяти не выкинешь. Так и вижу – идем мы все цепью, ищем... Слушай, а Винсент – он в Кейп-Хейвене будет жить?

– Да, насколько мне известно.

– Ты ему скажи: если что надо, пускай ко мне придет – ага, сюда, в лавку. Или даже вот как: оставлю-ка я для него пару свиных ножек. На гостинец.

Уок не нашелся с ответом.

– Житуха... – Милтон кашлянул, уставился себе под ноги. – Суперлуние нынче. Красотища. А я как раз выписал новый телескоп, и его уже доставили – видишь, как кстати? Короче, сейчас я малость занят, а вот вечером, если тебе интересно, ты, может, зайдешь...

– Нет, у меня дела. В другой раз.

– Ладно. После смены сюда загляни, я для тебя шмат шеи приберегу. – Милтон кивнул на вздернутого оленя.

– Вот этого не надо. – Уок попятился, спохватился, хлопнул себя по животу. – Куда мне лишнее мясо?

– Не волнуйся, оленина – она нежирная совсем. Если грамотно приготовить – потушить, – пальчики оближешь. Я бы тебе сердце предложил, но в него как раз пуля угодила, а это значит, аромат уж не тот...

Уок прикрыл глаза. Подступала тошнота, руки тряслись.

Милтон это заметил. По его физиономии стало ясно: сейчас будут вопросы и комментарии. Уок поспешил прочь.

Огляделся – никого. Проглотил две таблетки. Без них уже нельзя. Осознание факта зависимости в очередной раз отозвалось резкой болью.

Он шел мимо кафешек и магазинов, то и дело бросая лаконичные приветствия. Помог миссис Астор погрузить покупки в машину, терпеливо выслушал соображения Феликса Коука относительно трафика на Фуллертон-стрит.

Остановился под вывеской «Деликатесы Бранта». Витрина соблазняла горками печенья, слоек, пирожков, а также всевозможными сырами.

– Здравствуйте, инспектор Уокер.

Элис Оуэн. Волосы гладко причесаны, на лице боевая раскраска, даром что одета как на работу. В руках трясется собачонка непонятной породы; тощая – хоть ребрышки пересчитывай. Уок хотел ее погладить, но жалкое создание вдруг злобно ощерилось.

– Не подержите мою Леди, пока я в «Деликатесы» заскочу? Я на секундочку.

– Давайте. – Уок потянулся за поводком.

– Нет-нет, на землю не ставьте! Мы только что с педикюра, у нас повышенная чувствительность ногтей.

– В смысле, когтей?

Элис молча сунула ему свое сокровище и шмыгнула в магазин.

Через окно Уок наблюдал, как она, сделав заказ, треплет-ся с приезжей бездельницей. Прошло десять минут. Десять минут собачьего влажного дыхания прямо в лицо.

Наконец появилась Элис. Поскольку обе руки у нее были заняты покупками, пришлось топать за ней, нести собачонку к внедорожнику. Уложив покупки в багажник, Элис сказала «спасибо», полезла в бумажный пакет, извлекла и сунула Уоку вафельную трубочку-канноли с начинкой из рикотты. Уок устроил целое шоу – дескать, не надо, не возьму, – но слопал канноли в два укуса, едва только Мейн-стрит осталась позади.

Он прошелся по Кассиди-стрит – но не до конца, а до того места, откуда можно было срезать путь к Айви-Ранч-руд. Постоял у Стар Рэдли на крыльце. Из дома слышалась музыка.

Стар открыла прежде, чем Уок успел постучать. Улыбнулась по-особенному – именно из-за этой улыбки Уок до сих пор с ней и нянчится. Опустошенная, но прелестная; конченная, но с этим невозможным сиянием в глазах – такова Стар. Уок удивился, увидев на ней розовый передник. Будто она печенья вздумала напечь. Притом что в кухонном шкафу мышь повесилась.

– Добрый день, инспектор Уокер.

Против воли он улыбнулся.

В небыстром темпе крутился потолочный вентилятор. На гипсокартонных стенах местами отошли обои. Шторы дер-

жались всего на нескольких кольцах, будто Стар, отчаянно отгораживаясь от дневного света, оборвала их судорожными движениями. Радио было включено на полную громкость, «Линэрд скинэрд» пели о милой Алабаме, и Стар подергивалась в такт, пританцовывая, собирала по кухне пивные банки и коробки из-под «Лаки страйк», набивала мусорный пакет. Успевала еще и улыбаться Уоку – широко и открыто, по-девчоночьи. Годы не изменили ее сути. В юности беззащитная, отчаянная – из «трудных», – она такой и осталась.

Изящный поворот – и в мешок отправилась пепельница из фольги.

Над камином висела фотография – они двое, обоим по четырнадцать. Полная готовность к будущему. Предвкушение будущего.

– Голова болит?

– С головой всё супер. Мысли, знаешь, как-то упорядочились. О вчерашнем думаю. Спасибо тебе. Только вот что мне кажется: я в этом – ну ты понимаешь – нуждалась. Напоследок. Наверное. Зато теперь все прояснилось. – Стар щелкнула себя по виску и продолжила уборку, по-прежнему пританцовывая. – Дети – они ведь ничего не видели, правда?

– Нам обязательно обсуждать это именно сегодня?

Песня про милую Алабаму кончилась. Стар перестала подергиваться, отерла пот со лба, собрала волосы в тугую хвост.

– Было, да сплыло. Дачесс в курсе?

Нормально. Стар спрашивает Уока про собственную дочь.

- Весь город в курсе.
- Как думаешь, он изменился?
- Мы все изменились, Стар.
- Ты – нет.

Стар имела в виду выразить восхищение – Уок уловил одну гадливость.

Винсента он не видел пять лет. Пытался пробиться к нему, только напрасно. В первое время ездил на свидания с Грейси Кинг, в старом «Бьюике». Судья упек его друга – пятнадцатилетнего мальчишку – в тюрьму, где мотали срок взрослые дядьки. А потому что на суде слово взял отец погибшей. Говорил о Сисси – какая она была, какое чудо из нее выросло бы. Присяжным продемонстрировали фотографии с места трагедии – маленькие ножки, окровавленная ладошка. Звонили директору школы, Хатчу, – спрашивали о Винсенте. В ответ слышали: проблемный юноша.

Для дачи показаний вызвали Уока. Отец не спускал с него глаз. Коричневая рубашка, честное лицо; Уокер-старший – прораб из «Тэллоу констракшн». Компания владела фабрикой, в дыму которой задохнулись мечты соседнего городка стать, как и Кейп-Хейвен, курортным. Тем летом Уок начал ездить с отцом на стройку. Всерьез думал о работе в «Тэллоу констракшн». Напяливал комбинезон, стоял, смотрел на серый грунт в котловане, на трубы. Недра земные завораживали, строительные леса возвышались подобно собору.

В зале суда Уок встретил отцовский взгляд, прочел в нем

гордость и правдивыми, истерпывающими своими показани-
ниями предрешил судьбу Винсента.

– Я не обязана и дальше жить одним прошлым, – сказала Стар.

Уок сварил кофе и вышел с чашками на террасу. Птицы, отнюдь не паникуя, спорхнули с качелей. Уок уселся на старом стуле.

Стар стала обмахивать разгоряченное лицо.

– Сам его заберешь?

– Он написал, чтобы я не утруждался.

– Но ты все равно поедешь?

– Да.

– Не рассказывай ему... про меня. Ну и про все про это.

Коленка у Стар подрагивала, палец выбивал дробь на ножке стула – куда только девалась недавняя оживленность?

– Он же будет спрашивать.

– Мне его не надо. Ни в этом доме, ни вообще.

– О'кей.

Она прикурила и закрыла глаза.

– Я слышал о новой программе, которая...

– Стоп. – Стар вскинула руку. – Сказала ведь уже. Покончено с этим. Точка.

Много лет Уок возил ее в Блейр-Пик. Ежемесячно. Психиатр попался толковый, прогресс был налицо. Уок переживал сеансы в забегаловке – они длились по три часа, а порой и больше. По окончании Стар ему звонила. Иногда с ни-

ми ездили Дачесс и Робин. Устраивались на заднем сиденье, молча смотрели в окно – словно видели позади блаженное неведение, от которого их уносил автомобиль.

– Так не может продолжаться.

– А ты сам что – разве «колеса» больше не глотаешь?

Уок хотел объяснить, что нынешние его «колеса» – совсем не те и не для того, что прежние. Задался вопросом – а в чем, собственно, отличие? У них со Стар у обоих – зависимость, если называть вещи своими именами.

Стар стиснула его руку, плохо рассчитав силы.

– У тебя рубашка кремом заляпана.

Уок скосил глаза. Стар засмеялась.

– Хороша парочка... Знаешь, порой я это прямо чувствую.

– Что?

– Что нам по пятнадцать, глупыш.

– Мы повзрослели.

Стар выпустила идеально круглое колечко дыма.

– Я – нет. Ты, Уок, стареешь, а я... для меня все только начинается.

Он расхохотался, она подхватила. И впрямь, хороша парочка. Тридцати лет как не бывало, клубок размотался, в остатке – двое подростков с подначками и пустой болтовней.

Они просидели вместе еще час. Молчали, но молчание не было напряженным. Каждый без слов знал, что на уме у другого – единственная мысль, единственная фраза: «Винсент

Кинг возвращается домой».

Уок не столько смотрел на дорогу, сколько косился на горизонт, откуда, набирая скорость, разворачивался рулон золотого шелка, катился к побережью, чтобы, ударившись о скалы, подать назад с тугим, упругим гулом.

Исправительное учреждение находилось в графстве Фейрмонт, в ста милях к востоку от Кейп-Хейвена.

Тучи громоздились, как проступки, ошибки, стечения обстоятельств. Все, кого в этот час вывели на прогулку, разом застыли, запрокинув головы к небесам.

Уок вырулил на пустырь, заглушил двигатель. Вой сирен, окрики конвойных, вопли заключенных. Их души – тоже вроде океанского вала, которому еще катить и катить, глотать мили прерий, в которые Бог и не заглядывал.

Место не для пятнадцатилетнего пацана – неважно, что за ним числится. Судья в Лас-Ломасе бровью не повел, объявляя, куда конкретно упекают Винсента; вогнал в ступор всех присутствовавших. Мир тогда пошатнулся. После Уок думал о том злосчастном вечере; ущерб не свелся к одной только детской смерти. Он расплзся паутиной, которая затянула слишком многих так или иначе причастных. Беда пошла по второму кругу, свежесть и новизну жизни испакостил распад. Уок помнил, как это сказалось на отце Стар, и ежедневно наблюдал в ней самой; однако знал, что хуже всех

приходится Дачесс, ибо ночь тридцатилетней давности гро-
моздится на хрупких ее плечах.

Уок вышел из машины, кивнул охраннику Кадди – вы-
сокому, худощавому, улыбчивому. Вот тоже – персонаж... По
обстоятельствам службы должен был ожесточиться – но
остается приветливым и добрым.

– Что, Винсента Кинга забирать? Присматривай за ним в
Кейп-Хейвене; и за остальными тоже. – Кадди заулыбался
шире, добавил: – Как там у вас вообще? По-прежнему рай-
ское местечко?

– Да.

– Эх, сюда бы сотню таких, как Винсент... Тихий – не вид-
но его и не слышно, хоть любого из наших спроси.

Кадди двинулся к воротам, Уок подладил под его шаг.

За первыми воротами были вторые. Лишь после них от-
крылось здание тюрьмы, выкрашенное в зеленый цвет. Кад-
ди утверждал, что краска обновляется каждую весну.

– Нет цвета полезнее для глаз, чем зеленый. Успокаивает,
о прощении говорит и о личностной трансформации.

Двое мужчин, сжав от старания рты, возили кистями по
бордюру.

Кадди приобнял Уока за плечи.

– Винсент Кинг положенное отсидел, но сам еще этого
факта не осознаёт. Ему время потребуется. Если что – сразу
звони мне, договорились?

Уок остался ждать в приемной. Окно выходило во двор,

заключенные наматывали круги. Головы у всех высоко подняты, будто Кадди объяснил им про грех стыда. Если б не шрам колючей проволоки, от пейзажа дух захватывало бы. Поистине, из окна открывалась земля обетованная. Люди в оранжевых робах были собой прежними – то есть группкой потерявшихся детей.

Пять лет назад Винсент полностью отказался от свиданий. Если б не глаза, Уок мог бы его и не узнать – к нему вышел высокий, очень худой, почти истощенный мужчина со впалыми щеками, и ничего общего не было у него с самоуверенным юнцом, которого некогда поглотили эти стены. Ничего, кроме синевы глаз, – да и та поблекла.

А потом Винсент улыбнулся. О, эта улыбка, причина подростковых передраг и способ выпутаться! Не счесть, сколько раз Уок влипал из-за Винсента и вместе с Винсентом, и сколько раз улыбка улаживала дело. И ввали, всё ввали Уоку: дескать, тюрьма – она людей меняет. Вот его друг – такой, как прежде.

Уок шагнул к Винсенту, распростер объятия, но смутился и ограничился тем, что несмело протянул руку.

Винсент будто не понял. Будто забыл, что руку можно протягивать для простого пожатия. Опомнился, взял, легонько тряхнул.

– Я ж говорил – не стоит за мной ехать. – Произнесено было вообще без интонации, очень тихо. – Но все равно спасибо.

Его жесты были скованны, как на церковной службе.

– Рад тебя видеть, Вин.

Винсент принялся заполнять бумаги. Охранник молча наблюдал. Ничего особенного: очередной преступник отсидел тридцатник и вот выходит. Какие тут комментарии? Калифорнийская рутина.

Через полчаса они были у внешних ворот. Не спешили уехать – к ним направлялся Кадди.

– На воле непросто придется, Винсент.

Кадди обнял его – коротко и крепко; обрушил субординацию длиной в тридцать лет.

– Более половины, – заговорил он, удерживая Винсента в объятиях, – именно столько ребят сюда возвращается. Смотри, не стань одним из них.

Сколько раз за годы службы ронял Кадди эту вескую фразу – вот о чем думал Уок, когда они с Винсентом, плечом к плечу, шли к машине.

Винсент хлопнул по капоту, поднял взгляд на Уока.

– Никогда не видел тебя в полицейской форме. Правда фотографию одну мне показывали... Только это не то. Не так воспринимается. Теперь ясно: ты настоящий коп.

Уок улыбнулся.

– Ну да.

– Не уверен, что мне можно и нужно водиться с копом.

Уок рассмеялся. Не ожидал, что облегчение от шутки будет столь ошеломительным.

Поначалу он вел на низкой скорости. Заметил жадный Винсентов взгляд – опустил стекла. Пусть Винсент вбирает каждую деталь, пусть дышит свежим ветром. Уоку хотелось поговорить, но он не нарушил словами полусна первых нескольких миль.

– Я тут вспоминал, как мы пробрались на «Святую Розу», – начал он максимально обыденным тоном. Не надо Винсенту знать, что всю дорогу к тюрьме Уок сочинял и оттачивал фразы, подходящие, чтобы запустить разговор.

Винсент поднял глаза, чуть улыбнулся. Он тоже помнил.

Был первый летний день, им – по десять лет. Рано утром они примчались на великах к условленному месту. Скатились по склону к воде, велики спрятали, а сами залезли в траулер, под брезент. Чуть не задохнулись, когда солнце поднялось выше и начало припекать. Тарахтел, пульсировал мотор, шкипер Дуглас и его парни правили в океанскую бесконечность – в Уоке до сих пор живы те, давние ощущения. Дуглас даже не рассердился, даже не выбранил их с Винсентом, когда они выползли из своего укрытия. Связался по рации с берегом, заявил, что найдет чем занять пацанов. И правда – Уок никогда так не вкалывал. Он и палубу драил, и ящики чистил. Запах рыбьей крови казался ерундой – главное, они плыли, главное, в непосредственной близости, за бортом, кипела жизнь.

– Кстати, шкипер Дуглас до сих пор работает. Фрахтованием ведает один парень, Эндрю Уилер. Дугласу, наверное,

уже восемьдесят стукнуло.

– Ох и попало мне в тот вечер от матери... – Винсент кашлянул. – Спасибо, что похороны организовал.

Уок потянулся к щитку от солнца, опустил его.

– Может, расскажешь о ней? – Винсент дернулся, поменял положение – сел с ногами. Лодыжки оголились на дюйм.

Уок затормозил перед железнодорожным переездом, перед товарняком: стальные коробки вагонов, ржаво-красная краска, зубодробительный лязг.

Проехали, свернули к городку, который жил, покуда велись работы в шахтах. Только тут Уок выдал:

– Она в порядке.

– У нее дети.

– Дачесс и Робин. А помнишь, как мы впервые увидели Стар?

– Помню.

– Взглянешь на Дачесс – в тот самый день и вернешься.

Впрочем, Винсент, судя по выражению лица, уже и так вернулся в тот день, когда отец Стар прикатил в Кейп-Хейвен на своей «Ривьере». Уок с Винсентом гоняли на великах. Заметили сквозь заднее стекло, что незнакомый «Бьюик» набит под завязку свертками, коробками, чемоданами. Чужая, новая жизнь. Уок и Винсент стояли плечом к плечу, вцепившись в рули своих «Стелберов»; солнце жарило им загривки. Мужчина – крупный, широкоплечий – первым выбрался из автомобиля. Смерил их оценивающим взглядом,

будто насквозь видел, что они собой представляют. Два пацана, у которых предел мечтаний – найти бейсбольную карточку Уилли Мэйса⁸, да и помышлять о таком они дерзнули только потому (Уок это крепко помнил), что Винсентов магический шар-восьмерка⁹ предрек им удачу в скором будущем. Мужчина нырнул в автомобиль и снова появился с маленькой девочкой на руках. Девочка – Сисси Рэдли – видимо, спала всю дорогу. Не проснулась она и сейчас. Отец держал ее, прижимая к себе, ощупывая взглядом улицу, на которой ему с семьей предстояло поселиться. Ребята хотели уже ехать к Уоку (в разгаре было сооружение древесного дома), но тут задняя дверь «Ривьеры» открылась, чтобы явить пару ног, длиннее которых Уок и не видывал. Винсент тихо выругался и, разинув рот, уставился на девчонку – их ровесницу, ошеломительную, как Джули Ньюмар¹⁰. «Охренеть!» –

⁸ Бейсбольные карточки – небольшие открытки с фотографиями бейсболистов на одной стороне и рекламой на другой. Были очень популярны в США, сейчас некоторые из них являются раритетами и стоят баснословных денег. Уилли Мэйс (р. 1931) – профессиональный игрок в бейсбол, выступавший за различные команды Главной бейсбольной лиги в 1951–1973 гг; считается одним из величайших бейсболистов всех времен.

⁹ Магический шар – игрушка, представляет собой шар побольше бильярдного, внутри которого имеется емкость с темной жидкостью. В жидкости плавает икосаэдр – фигура с 20 гранями, на каждой из которых написан ответ на вопрос («весьма вероятно», «определенно да», «ни при каком раскладе» и т. п.). Вопросив шар, его встряхивают и по выплывшему ответу принимают решение.

¹⁰ Джули Ньюмар (р. 1933) – американская актриса, танцовщица, певица, предприниматель, писательница.

повторил Винсент. Но тут подросел отец девчонки, погнал ее к дому, который еще недавно принадлежал Клейману. Девчонка, однако, прежде чем скрыться, остановилась на подъездной дорожке и обернулась к ребятам: голова склонена набок, ни тени улыбки, взгляд пристальный, жгучий. Под этим-то взглядом Винсент и спёкся.

– Я скучал по тебе. Я бы приезжал, если б не твой запрет. Каждую неделю приезжал бы на свидания – сам знаешь.

Винсент продолжал глядеть по сторонам с жадностью человека, для которого единственным окном в мир целую жизнь являлся телевизор.

Они остановились не доезжая Хэнфорда, у закусочной на Централ-Велли-хайвей. Заказали бургеры. Винсент едва осилил половину. Он и там, сидя за столом, не отрывался от окна. Вот прошла женщина с ребенком, вот проковылял старик – сгорбленный, словно тащил на плечах все свои годы до единого. Что он видит, Винсент? Автомобили неизвестных марок? Сетевики, которые по телику мелькают? Для Винсента жизнь закончилась в семьдесят пятом, а ведь уже с миллениума целых пять лет миновало. Они, пацаны, как две тыщи пятый воображали? Всюду летательные аппараты и роботы вместо obsługi. А имеют – то, что имеют.

– Мой дом...

– Я за ним слежу. Крыша прохудилась, крыльцо подгнило. Нужен ремонт.

– Само собой.

– Дикки Дарк – ну, этот, из строительной компании – очень заинтересован. Всю весну, каждый месяц появлялся. Если, говорит, ты захочешь дом продать...

– Не захочу.

– Ясно.

Уок замолчал. Он передал, что просили. Если Винсенту нужны деньги, покупатель на его дом – последний в ряду на Сансет-роуд – имеется.

– Готов ехать домой, Вин?

– Я только что из дому.

– Нет, Вин. Нет.

В Кейп-Хейвене, понятно, их с оркестром не встречали. Ни пикника по случаю возвращения, ни дружелюбных лиц, ни даже обычных зевак. Уок заметил: перед подъемом на утес Винсент вдохнул поглубже. Несколько мгновений – и под ними простерся Тихий океан. До самой воды теснились среди сосен новенькие виллы.

– Понастроили, – буркнул Винсент.

– Понастроили, – отозвался Уок.

Сначала, конечно, горожане сопротивлялись. Но несильно, потому что каждому было выплачено обещанное – цент в цент. Мелкие предприниматели, такие как Милтон, говорили за всех, упирали на усталость от борьбы. Эд Тэллоу твердил, что его строительная компания едва сводит концы с концами.

Кейп-Хейвен, разбросанный по утесам; безмятежный и

словно законсервированный во времени бывший пригород Анахайма. Каждый новый кирпич ложился на детство Уока, крушил воспоминания, которые одни только и служили ему пресловутой соломинкой.

Уок покосился на руки Винсента. Костяшки пальцев испещрены шрамами. Ну правильно. Винсент и пацаном никому спуску не давал.

Наконец дорога стала забирать вниз, и открылась Сансет-роуд, где кинговский дом торчал в одиночестве – наводил тень на белый день.

– Соседи съехали, что ли?

– Съехали. В смысле, сползли. В океан. Утесы рушатся, совсем как Пойнт-Дьюм. Долше всех держался дом Фейрлона, но вчера и его не стало. Твой дом стоит поодаль, и вдобавок пару лет назад здесь построили волнорез.

Винсент взглянул на остатки фэйрлоновского двора, на полицейскую ленту, которая отнюдь не казалась неуместной. Дома, расположенные поодаль, нейтрализовали ощущение, будто Кингу жить теперь на отшибе, но расстояние до этих домов было все же достаточным, чтобы каждый понимал, с какой конкретно точки открывается самый потрясающий вид.

Винсент выбрался из машины, прищурился на гнилой конек крыши, на упавшие ставни.

– Я тут траву косил, – сказал Уок.

– Спасибо.

Уок прошел за Винсентом по извилистой дорожке, поднялся на крыльцо, очутился в прохладном полутемном холле. Бумажные обои с цветочками – привет из семидесятых; миллион бархатных воспоминаний.

– Я постель перестелил.

– Спасибо.

– И продуктов привез – они в холодильнике. Курица и еще...

– Спасибо.

– Не обязательно благодарить за каждую мелочь.

Над камином висело зеркало; Винсент прошел мимо даже не подняв глаз. Он теперь двигался иначе – каждый жест был продуман и выверен. Уок знал, что в первое время – целых несколько лет – Винсенту приходилось очень тяжело, и речь шла не о слезах в подушку, а об участии симпатичного юноши, помещенного к законченным вырождакам. Уок и Грейси Кинг писали письма – и судье, и в Верховный суд, и даже в Белый дом. Умоляли хотя бы перевести Винсента в одиночную камеру. Ни черта не добились.

– Посидеть с тобой?

– Не надо. Езжай, занимайся своими делами.

– Хорошо. Попозже загляну.

Винсент проводил Уока до двери и протянул руку для пожатия.

Уок же обнял его – друга, который наконец-то вернулся. И не позволил себе задержать мысль на том факте, что Винсент

вздрогнул, что напрягся в его объятиях.

Оба повернули головы на шум двигателя. По Сансет-роуд ехал знакомый внедорожник «Эскалейд».

Дикки Дарк остановил машину, вылез. В громоздком своем теле ему было неловко, как в костюме не по росту. Он держался ссутулившись, не поднимал глаз. Пиджак, рубашка, брюки – всё черного цвета. И он всегда так одевался. Будто напоказ траур носил.

– Винсент Кинг, меня зовут Дикки Дарк. – Голос глубокий, серьезный. Ни намека на улыбку. Улыбки Дарка вообще никто не видел.

– Я получал ваши письма, – сказал Винсент.

– Город изменился, не так ли?

– Так. Кроме дерева желаний, я здесь ничего не узнаю. Помнишь, Уок, под корнями у нас была сигаретная заправка? Уок рассмеялся.

– Помню. А еще мы там держали упаковку «Сэма Адамса»¹¹.

Помедлив, Дарк обдал Уока парализующим холодом глаз, после чего переключил внимание на Винсентову собственность.

– Последний на улице дом ваш. И участком владеете вы, Кинг.

Винсент взглянул на Уока.

– Миллион плачу. Нынешняя стоимость – восемьсот

¹¹ «Сэмюэл Адамс» – марка пива.

пятьдесят тысяч, учитывая, в каком состоянии находится дом. А рынок – он изменчивый.

– Дом не продается.

– Я даю хорошую цену.

Уок улыбнулся.

– Отстань, Дарк. Человек наконец-то дома, а ты...

Дарк еще некоторое время сверлил Винсента глазами, потом развернулся и не спеша зашагал прочь – такой огромный, что даже протяженность его тени казалась неестественной.

Винсент неотрывно смотрел ему вслед, будто видел нечто не доступное Уоку.

* * *

Робину разрешалось оставаться в классе на три часа дольше, чем остальным детям. Под присмотром мисс Долорес он ждал, пока у сестры закончатся занятия в школе. Мисс Долорес согласилась сравнительно легко – во-первых, потому, что за Робина просил Уок, а во-вторых, потому, что сам Робин не доставлял ни малейших хлопот.

Увидев сестру, он живо собрал вещи, подхватил рюкзачок и бросился навстречу. Дачесс присела перед ним на корточки, обняла его, помахала мисс Долорес, и они пошли домой.

Дачесс помогла брату с ремешками рюкзачка. Убедилась, что он не забыл в садике ни хрестоматию, ни бутылочку во-

ды. Округлила глаза, увидев нетронутый сэндвич.

– Ты почему не поел?

– Прости.

Они вышли на стоянку, миновали припаркованный школьный автобус и несколько родительских внедорожников. Поодаль, на лужайке, разговаривали учителя. Чуть дальше ребята гоняли футбольный мяч.

– Нужно кушать, Робин.

– Да, только...

– Что?

– Ты дала мне один хлеб. В серединке, между ломтиками, пусто, – с неохотой сообщил Робин.

– Не выдумывай.

Робин глядел себе под ноги.

Дачесс развернула пакетик с завтраком.

– Вот чёрт...

– Все нормально.

– Нет, не нормально. – Она положила ладонь ему на плечико. – Дома хот-доги приготовлю.

Робин улыбнулся, довольный.

Они принялись по очереди пинать камушек. По всей Ист-Харни-стрит прогнали, до самого последнего дома, до канализационного стока, куда, с Робиновой подачи, камушек и отправился.

– У тебя в классе ребята про маму не болтали? – спросил Робин, когда на переходе Дачесс взяла его за руку.

– Нет.

– А у меня болтали. Рикки Тэллоу мама кое-что сказала про нашу маму.

– И что же?

Они нырнули под плакучую иву – там пряталась тропка, по которой можно было с Фордхем-стрит попасть прямо на Дюпон-стрит.

– Что ему к нам больше ходить нельзя, потому что наша мама плохо за нами смотрит.

– Тогда ты к ним ходи.

– Нет, у него папа и мама все время ругаются между собой. Дачесс потрепала брата по волосам.

– Хочешь, я поговорю с миссис Тэллоу? Может, что и придумаем.

– Ага.

Дачесс знала Лию Тэллоу. С Уоком работает; их в полицейском участке только двое, да еще Лу-Энн – старая, столько не живут. Вот случись в Кейп-Хейвене настоящее преступление – разве они его раскроют? Да никогда.

– Еще Рикки говорит, скоро его брат в колледж поступит, и тогда он займет его комнату. А в той комнате – аквариум... Дачесс, я тоже хочу аквариум.

– У тебя есть маска для ныряния. Любуйся рыбами в океане.

На Мейн-стрит, у закусочной Розы, тусовались девчонки. Знакомая компашка с неизбежными молочными коктейля-

ми. И занимают всегда конкретные два столика, на самом солнце. Дачесс и Робин прошагали мимо, за ними потянулся шлейф смешков и шепотков.

Они вошли в бакалею, увидели за прилавком миссис Адамс.

Дачесс выбрала банку сосисок, Робин притащил упаковку булочек. В кошельке было три бумажки по одному доллару. Всё, чем располагала Дачесс.

– Может, еще картошку возьмем – соломкой, чтоб жарить?

Она взглянула на запрокинутое личико Робина.

– Не получится.

– Ну тогда хотя бы кетчуп... Без него хот-доги сухие.

Дачесс поставила банку с сосисками на прилавок, положила булочки.

– Как дела у твоей мамы? – Миссис Адамс глядела поверх очков.

– Хорошо.

– А люди другое говорят...

– На кой хрен вы тогда спрашиваете?

Робин повис у Дачесс на руке. Миссис Адамс могла сказать «Убирайся отсюда», но Дачесс вовремя шлепнула на прилавок три доллара.

– Тебе нельзя так ругаться, – упрекнул Робин уже на улице.

– Как мама, ребятки?

Дачесс обернулась. Возле мясной лавки, вытирая о передник окровавленные лапищи, стоял Милтон.

Робин шагнул к витрине, вытаращился на кроликов, подвешенных за горлышки.

– С ней все нормально, – ответила Дачесс.

Милтон приблизился. От него разило кровью и смертью. Дачесс почувствовала тошноту.

– Ты вылитая мать; тебе это известно?

– Известно. Вы же сами и говорили.

В шерсти на предплечьях Милтона застряли крохотные кусочки сырого мяса. Милтон еще некоторое время таращился на Дачесс, будто не помня, кто он и что он; затем перевел глаза на прозрачный пакет, разглядел содержимое и скривился.

– Это у тебя не то что не мясо – это даже не сосиски. Такое в лабораториях растят. Подожди-ка здесь...

Дачесс послушалась. Милтон, пыхтя и отдуваясь, направился в свою лавку.

Через пару минут он появился с пакетом из коричневой бумаги, туго свернутым и запечатанным, вместо сургуча, кровавым пятном.

– Это морсилья. Кровяная колбаса. Маме скажи, что я дал. Пусть зайдет, я ей объясню, как правильно готовить.

– Я думал, ее просто жарят, – вмешался Робин.

– Ну это разве что в тюрьме. Нет, если хочешь аромата этого особенного добиться, нужна гусятница с тяжелой

крышкой и толстым дном. Тут всё дело в давлении и...

Дачесс выхватила пакет, нашарила ладошку Робина и поспешила прочь, ощущая меж лопаток пристальный взгляд мясника.

Перед закусочной Рози она остановилась, вдохнула поглубже и повлекла брата внутрь. Не прислушиваться к шепоткам этих девчонок, игнорировать взгляды! В закусочной былолюдно, шумно, оживленно. Воздух пропитался запахом кофе. Обсуждали виллы – свои и соседские; строили планы на лето.

Дачесс остановилась у прилавка, выхватила взглядом пилу с порционными пакетиками кетчупа. Можно брать бесплатно, если что-нибудь купишь – это ей было известно. Она покосилась на Рози – та что-то строчила в гроссбухе.

Дачесс взяла один-единственный пакетик – для Робина – и хотела уже развернуться, уйти.

Не успела.

– А по-моему, надо что-нибудь купить – только тогда кетчуп получаешь задаром.

Дачесс подняла глаза. Кэссиди Эванс, ее одноклассница. Робин встревожился, стал переминаться с ноги на ногу.

Сморщенный в презрении нос, надувание блестящих карамельных губ, встряхивание ухоженными волосами – именно такие мимика и жесты свойственны сукам.

– Я взяла всего один пакетик.

– Мисс Рози, у вас ведь кетчуп бесплатный только для тех,

кто уже что-нибудь купил?

И сказала нарочно громко, тварь; а уж невинности в голо-сок подпустила – через край.

Разговоры мигом стихли. Незнакомые люди уставились на Дачесс, жгли взглядами, как огнем.

Рози поставила чашку и шагнула за прилавок. Дачесс су-нула кетчуп обратно в пиалу. Не рассчитала. Пиала брякну-лась на пол, звон разбитого стекла вызвал жестокую судоро-гу.

Дачесс схватила Робина за руку и бросилась вон. Кэссиди спешила за ней, Рози кричала.

Потом они молча шли по тихим улицам.

Наконец Робин выдал:

– Вовсе и не нужен нам никакой соус. Хот-доги и без него вкусные.

На Сансет-роуд два мальчика перебрасывались мячом. Робин на них так и уставился. Дачесс часто с ним играла. Задействовала плюшевые игрушки, солдатики, машинки, да-же прутик, который казался Робину похожим на волшебную палочку. Иногда у Робина получалось привлечь Стар, но по большей части она проводила дни в гостиной. Лежала на ди-ване – шторы задернуты, свет выключен, звук в телевизоре – тоже. Дачесс слышала термины вроде «биполярное рас-стройство», «повышенная тревожность» и «зависимость».

– Что там такое? – спросил Робин.

Им навстречу бежали трое ребят. Промчались мимо, об-

дав жарким ветром.

– От кинговского дома драпают, – сказала Дачесс.

Они с Робинотом дошли до конца улицы, остановились на-
против. Окно в доме Винсента Кинга было выбито – камнем,
судя по дырке в стекле.

– Уоку скажем?

За окном мелькнула тень, и Дачесс отрицательно покачала
головой. Затем взяла Робина за руку и повела прочь.

С последнего ряда трибуны Уок видел, как овальный мяч, вращаясь, преодолел футов пятьдесят по воздуху и влетел в зачетную зону, где был выронен ресивером. Квотербек поднял руку, ресивер улыбнулся и отбросил мяч. Они его снова разыграют.

Всю сознательную жизнь Уок болел за «Кугуаров». Винсент одно время играл ресивером. Его имя на весь штат гремело – как же, прирожденный талант. С тех пор «Кугуары» не особенно отличались. В играх навывлет пару раз только выиграли, и то со скрипом. Однако каждую пятницу Уок появлялся на матче, занимал место. С обеих сторон от него неизменно устраивались группки размалеванных девчонок, глотки драли. После матча всей толпой вламывались к Розы. В закусочной становилось тесно от счастливых победителей и чирлидеров; общая атмосфера вызывала улыбку Уока.

– Бросок у парня что надо, – прокомментировал Винсент.

– Точно, – согласился Уок.

Он притащил упаковку пива «Роллинг Рок», но Винсент не выпил ни капли. Уок заехал за ним после дежурства, застал за работой, даром что уже смеркалось. Винсент успел набить мозоли, лицо у него было напряженное. За день он почти закончил замену половиц на террасе.

– Пожалуй, из него выйдет профессионал, – уронил Вин-

сент. Парень на поле подал, и на сей раз ресивер поймал мяч с ликующим воплем.

– Из тебя тоже мог бы выйти.

– Ты разве меня не поспрашиваешь?

– О чем?

– Обо всем.

– Не могу представить, каково там было.

– Можешь. Не хочешь просто. Ну и правильно. И то, что я это пережил, тоже правильно. По заслугам получил.

– Нет. Вышло несоразмерно содеянному.

– Я был у нее на могилке. Только без цветов. Не знал, надо приносить или нет.

Пас следовал за пасом. Несколькими рядами ниже, с краю, в бейсболке задом наперед, сидел Брендон Рок. Уок давно уже замечал его на каждом матче.

Винсент проследил взгляд Уока.

– Это Брендон там, что ли?

– Он самый.

– Я думал, он в команде будет. Он отлично играл.

– У него с коленом проблемы. Один раз сустав выскочил, да так с тех пор и пляшет. Брендон работает в «Тэллоу констракшн»; продажами занимается. Хромает. Ему бы с тростью ходить, но ты же знаешь, каков он.

– Раньше знал. Теперь – нет.

– Все еще ездит на отцовском «Мустанге».

– Помню, как Рок-старший его купил. Пол-улицы тогда

собралось. Еще бы. Машина – зверь.

– Ты еще мечтал угнать его.

Винсент усмехнулся.

– Не угнать, а позаимствовать. Покататься и вернуть.

– Брендон обожает свой «Мустанг». Наверное, видит в нем былые времена. Да ты взгляни на него. Прическа, прикид – он будто в семьдесят восьмом жить остался. Нисколько не изменился. Да и мы – прежние, если по большому счету.

Винсент откупорил пивную банку, но медлил сделать глоток.

– А Марта Мэй – она тоже почти прежняя?

Уок ответил не сразу. Имя «Марта Мэй» из уст Винсента вогнало его в секундный ступор.

– Она адвокат, занимается в основном семейными делами. Живет в Биттеруотере.

– Мне всегда казалось, что вы предназначены друг другу. Знаю, знаю – юность зеленая и все такое; да только ты так на нее смотрел, Уок...

– Примерно так же, как ты смотрел на Стар.

Ресивер зазевался, мяч упал и запрыгал к воротам. Брендон Рок вскочил и со скоростью, удивительной для хромого, ринулся на поле. Сгрэб мяч, но не ресиверу бросил, а квотербеку. Тот поймал его на лету.

– Мастерства не растерял – по крайней мере, в плане бросков, – констатировал Уок.

– По-моему, для него это только в минус.

– К Стар пойдешь?

– Она ведь сказала тебе, что видеть меня не хочет.

Уок нахмурился, Винсент улыбнулся.

– Я ж по тебе как по книге читаю, Уок. И всегда так было. Ты вот выдал, что Стар нужно время; ну не бредятина ли, думаю. Тридцать лет – куда еще-то? Потом рассудил: она права. Иногда за событием стоит слишком много. А у тебя-то с Мартой как?

– Марта... мы больше не общаемся.

– А подробнее?

Уок откупорил вторую банку.

– Ночь после приговора мы провели вместе. Она забеременела.

Винсент пристально смотрел на футбольное поле.

– Отец у нее священник. Да ты знаешь. И про должность его, и про характер.

– Вот же дерьмо.

– Полнейшее.

– Марта мечтала о рукоположении. Хотела пойти по святым отцовским стопам.

Уок откашлялся.

– Короче, он ее заставил... сделать аборт. Для ее же блага. Мы, типа, сосунки, куда нам... Только, знаешь, некоторые вещи – они... через них не перешагнуть. Ладно бы сам преподобный Мэй; его взгляды я еще стерпел бы. Но Марта! Она смотрела на меня, а видела собственную ошибку.

– А ты что в ней видел?

– Я-то? Я видел в ней всё. Целую жизнь – такую, как у моих родителей: пятьдесят три года душа в душу, сын, дом, общая судьба...

– Марта замужем?

Уок пожал плечами.

– Шесть лет назад я отправил ей письмо. Перед Рождеством. Вытащил, знаешь, старые снимки; раскис. Она не ответила.

– Еще есть время все уладить.

– То же самое касается тебя.

Винсент поднялся.

– Я, Уок, на тридцать лет с улаживанием опоздал.

* * *

Бар находился в Сан-Луисе: проехать немножко по хайвею, мимо непаханных равнин, и свернуть к Алтанон-Вэлли.

Автомобиль – старый «Джип Команч» – Стар одолжила у Милтона. Климат-контроль не работал, и Дачесс и Робин высунулись в открытые окна, словно пара щенят. Им совсем не улыбалось тащиться поздно вечером с матерью, но делать было нечего. В последнее время такие поездки случались каждый месяц.

Дачесс взяла с собой домашнее задание – проект с семейным древом; все боялась растерять листы, прижимала их к

груди как могла крепко, идя парковкой вслед за Стар. Мать проскользнула между двумя пикапами, открыла дверь. Она несла футляр с гитарой. Джинсовые шорты-обрезки оголяли ползадницы, топ был с большим декольте.

– Зря ты это напялила.

– Ничего ты не понимаешь.

Дачесс выругалась вполголоса, но мать услышала, обернулась.

– Очень тебя прошу: не вмешивайся. Следи за братом и не создавай мне проблем.

Дачесс повела Робина к самой дальней кабинке. Подтолкнула на диванчик, сама уселась с краю: она будет защитой, стеной. Потому что в подобных заведениях ее брату не место. Стар принесла им по стакану содовой. Дачесс разложила на столе свои бумаги. Для Робина был припасен чистый лист. Дачесс не забыла и его пенал, и теперь достала оттуда карандаши.

– А мама будет петь песню про мост? – спросил Робин.

– Она всегда ее поет.

– Мне эта песня очень нравится. А ты будешь петь с мамой?

– Нет.

– Хорошо. Потому что мама тогда расплачется, а я на это смотреть не могу.

Дым над переполненными пепельницами, панели и мебель из темной древесины, над барной стойкой гирлянда тре-

угольных флажков. В меру темно. Дачесс расслышала смех. Понятно. Мать пьет с какими-то двумя типами. Не может настроиться, пока не употребит пару опрокидышей.

На столе стояла пиала с орешками. Робин потянулся к ней, Дачесс перехватила его ручонку.

– Не трогай. Знаешь, какими лапами сюда лазают? Прямо после сортира.

Она уставилась в свой проект. Для отца было оставлено место – слишком много места, несколько длинных незаполненных «веток». Накануне отвечала Кэссиди Эванс. Изложила свою родословную, показала плакат. Извилистая, вся из себя благородная ветвь тянулась к Кэссиди аж от самого Дюпона¹²; подача же была столь уверенной, что Дачесс почти чувствовала запах пороха.

– Я тебя зобразил.

– И-зобразил.

Дачесс взглянула на рисунок, улыбнулась.

– Неужели у меня такие здоровенные зубищи?

Она принялась легонько щипать Робина за бока. Он залез смехом столь звонким, что Стар погрозила им обоим:

¹² Имеется в виду Элетер Ирене Дюпон (1771–1834), химик и промышленник французского происхождения. В 1797 г. эмигрировал за океан, а уже в 1802 г. основал в Уилмингтоне, шт. Делавэр, компанию по производству пороха. Позднее номенклатура военной продукции расширилась. Компания «Дюпон» стала производить взрывчатые, боевые отравляющие вещества, психотропное, зажигательное и ядерное оружие. В этом списке – напалм, который США использовали во Вьетнаме. В «Дюпоне» разработаны неопрен, тефлон, нейлон, кевлар и т. п. материалы.

не шумите.

– Расскажи про Билли Блю Рэдли, – попросил Робин.

– Написано, что он не ведал страха. Однажды ограбил банк и скрылся, причем так подстроил, что шериф искал его за тысячу миль.

– Значит, он был плохой.

– Нет, он заботился о своих. Грабил ради друзей, а они всё равно что семья. – Дачесс прижала ладонь к грудке Робина. – Чувствуешь? В тебе пульсирует кровь Билли Блю Рэдли. И во мне тоже. Мы с тобой – вне закона.

– Ты – наверное. А я – вряд ли.

– Нет, мы оба.

– Как же так? Твой папа и мой папа – они разные люди.

– Ну и что? – Дачесс, едва касаясь, взяла Робина за подбородок, приподняла его мордашку. – Рэдли-то мы с маминой стороны. Если наши отцы ни на что не годились, это ерунда. Мы с тобой одинаковые. Повтори.

– Мы одинаковые.

Когда настало время, свет пригасили, для Стар вынесли стул. Она уселась перед посетителями и спела несколько чужих песен и парочку собственных. Один тип – из тех, с кем она выпивала, – после каждой песни свистел, и вопил, и всячески выражал восторг.

– Скоты, – констатировала Дачесс.

– Скоты, – согласился Робин.

– Не произноси это слово.

Вопивший резко встал, махнул в сторону Стар и сгреб пятерней свои яйца. Еще и вякнул что-то, урод, – словно намекнул: могу всякого порассказать. Обозвал их мать недавалкой. Выдвинул предположение, что она – лесба.

Дачесс вскочила, схватила стакан и швырнула обидчику под ноги. Стакан, понятно, разбился, у выроodka челюсть отвисла. Дачесс раскинула руки: мол, так и буду стоять, так и буду.

Робин дотянулся до ее ладони, взмолился:

– Садись, Дачесс. Пожалуйста, садись.

Она опустила глаза, прочла страх на мордашке брата. Взглянула на мать, которая одними губами произносила то же самое: садись, пожалуйста.

Козлище продолжал тарашиться. Дачесс показала ему средний палец и наконец-то села.

Робин как раз допил содовую, когда Стар позвала Дачесс, заворковала: моя деточка, мол, поет куда лучше своей мамочки.

Дачесс вжалась в спинку диванчика. Пускай Стар сколько угодно просит, пускай эти, в баре, оглядываются на нее, манят авансовыми аплодисментами. Раньше – да, раньше она пела – и в комнате, и под душем, и во дворе. Маленькая была, ни фига не смыслила насчет жизни.

Стар заявила, что дочь у нее сегодня не в духе, ну а она сейчас еще споет – под занавес. Робин оставил карандаши, глядел на мать как на последнюю из благословенных.

– Моя любимая песня.

– Знаю, – сказала Дачесс.

Допев, Стар сошла с подиума, взяла предназначенный ей конверт и спрятала в сумочку. Баксов пятьдесят там было, наверное. Тот ублюдок вырос перед ней и хватить за задницу своей лапой.

Дачесс выскочила из кабинки прежде, чем Робин успел пискнуть «не надо». Миг – и она возле матери; быстрый наклон – и в руке у нее осколок стекла.

Стар оттолкнула мужчину; он качнулся, но легко восстановил равновесие. Сжал кулак, хотел замахнуться и вдруг заметил: смотрят почему-то не на него, от взглядов будто ниточки тянутся, а ведут – вниз. Он опустил глаза. Вот она, перед ним – хрупкая, готовая на всё, с зазубренным осколком, нацеленным ему в горло.

– Я – Дачесс Дэй Рэдди, и я вне закона. А ты – пидор, тебя на барном табурете имеют. Сейчас я тебе башку отрежу.

Из кабинки донеслись крики Робина – слабые, жалкие. Стар схватила дочь за запястье и трясла ее руку до тех пор, пока пальцы не разжались, не выпустили осколок. Несколько человек бросились между Дачесс и этим уродом, принялись увещевать. Бармен налил всем за счет заведения.

Стар погнала Дачесс к двери, на ходу сгребла Робина в охапку.

На парковке было темно. Они отыскиали «Джип», уселись. Тут-то Стар на нее и набросилась. Орать стала: Дачесс –

глупая, тот человек ей вреда не причинил бы, у нее все было под контролем, она не нуждалась в защите тринадцатилетней девчонки. Дачесс слушала молча. Ждала, когда мать выпустит пар.

Наконец Стар выдохлась. Протянула руку к ключу зажигания.

– Тебе сейчас ехать нельзя.

– Я в порядке.

Стар посмотрелась в зеркало, поправила волосы.

– А я тебе не дам везти моего брата, когда ты в таком состоянии.

– Сказала же: со мной порядок.

– Тогда, значит, и с Винсентом Кингом тоже был порядок.

Дачесс видела, что мать заносит руку, но не отвернулась.

Приняла пощечину – типа, подумаешь, мелочь какая.

На заднем сиденье заплакал Робин.

Дачесс вытащила ключ зажигания, перелезла к брату. Пригладила ему волосы, утерла слёзы, помогла натянуть прихваченную из дома пижаму.

Часок она подремала, затем перебралась на переднее сиденье и отдала матери ключ. Стар вырулила с парковки, покатила домой. Дачесс сидела рядом, их плечи соприкасались.

– Ты помнишь – у Робина в эти выходные день рождения? – тихо произнесла Дачесс.

Секундное замешательство, и лишь потом ответ Стар:

– Конечно, помню. Он же мой принц.

Заныл живот. Своих денег Дачесс не имела, развозила по выходным почту, потела за гроши.

– Дай мне денег, я всё организирую.

– Нет уж, я и сама могу.

– Но...

– Дачесс, блин, я же сказала, что разберусь. Вера твоя где, а?

Она могла бы ответить, что веры у нее убывает с каждым собственным днем рождения, игнорируемым матерью.

Машину трясло на ухабах, пока не выехали на хайвей.

– Есть хочешь? – спросила Стар.

– Я готовила хот-доги.

– А соус купить не забыла? Робин любит с соусом.

Дачесс устало взглянула на мать. Стар погладила ее по щеке.

– Надо было тебе сегодня выйти, спеть со мной.

– Для кучки пьяных козлов? Нет уж, пусть этим профессионалы занимаются.

Стар вытащила сигарету, сунула в рот, завожилась с зажигалкой.

– А сейчас споешь для меня, если я радио включу?

– Робин спит.

Стар обняла дочь за плечи, привлекла к себе, поцеловала в темечко. На минимальной скорости они ехали по пустынному хайвею.

– Сегодня в баре был один парень... у него своя студия.

Ну в долине. Так вот, он мне визитку дал и сказал, чтобы обязательно позвонила. Я думаю: это оно самое.

Дачесс зевнула. Веки у нее отяжелели, огни на обочинах слились в одну мутную полосу.

– А знаешь ли ты, Герцогиня Кейпхейвенская, что я всегда мечтала о дочери? Кстати – очаровательный бантик.

Дачесс об этом знала.

– А ты, мама, знаешь про Билли Блю Рэдли?

Стар улыбнулась.

– Твой дедушка о нем рассказывал. Я думала: сочиняет.

– Нет, Билли был на самом деле. И мы – его потомки.

Дачесс хотела снова спросить про отца. Передумала. Слишком устала сегодня для таких разговоров.

– Тебе ведь известно, что я тебя люблю?

– Еще бы.

– Нет, Дачесс, серьезно. Все, что я делаю... в смысле, все, что я имею... короче, это для вас с Робинном.

Дачесс таращилась во тьму.

– Лучше бы...

– Что?

– Лучше бы была середина, мам. Люди иначе живут. Не надо вот этого – или все, или ничего, или ты тонешь, или по волнам рассекаешь. А ты просто на плаву держись – так ведь почти все делают. Потому что, когда начинаешь тонуть, ты и нас с собой на дно тянешь.

Стар вытирала слёзы.

– Я же пытаюсь. Я исправлюсь, правда. Сегодня утром уже клялась, и завтра поклянусь. Могу хоть каждый день клясться. Хочу ради тебя это сделать.

– Что именно?

– С эгоизмом распрощаться. Самопожертвование, Дачесс, в нем весь смысл. Кто собой жертвует – тот хороший.

Была почти полночь, когда они добрались до Кейп-Хейвена. Дачесс вздрогнула, увидев на подъездной дорожке «Эскалейд» Дикки Дарка.

Стар подрулила к дому. Ворота стояли открытые – значит, Дарк у них во дворе; наверное, на крыльце. Ждет. Вглядывается в пустоту, словно видит что-то среди теней. Брр, мороз по коже... Дачесс его терпеть не могла, Дарка этого. Слишком он вкрадчивый, слишком большой, и всё на нее пялится, чтоб ему. Подъедет к школьной ограде, мотор заглушит, а сам из машины не выходит. Пасет ее, словом.

– А ты сегодня разве не в ночной смене, мама?

Стар убирала офисы в Биттеруотере.

– Я... я вчера пропустила, и они сказали: можете вообще больше не появляться. Не волнуйся. Если что, устроюсь к Дарку в бар. Может, он из-за этого и приехал.

– Не хочу, чтобы ты у него работала.

Стар улыбнулась, снова достала визитку – словно некое доказательство.

– Удача решила повернуться к нам лицом.

Дачесс сгребла Робина в охапку. Какой он легонький, ее

брат; ручки-ножки тоненькие... Волосы отрасли, но вести его в парикмахерскую Джо Роджерса на Мейн-стрит Дачесс не может – не на что. Хорошо, что Робин слишком мал, не понимает еще насчет своей внешности, и другие дети в садике не понимают. Скоро всё изменится, и вот что она тогда станет делать?

Их общая спальня; постеры на стенах. Дачесс сама выбирала и сама клеила. Не ерунда, а всё научное – растения, животные, планеты и звезды. Робин способный, ему надо развиваться. На полке единственная книжка – про вечно голодного Макса. Робину нравится последняя глава, про ужин – из нее понятно, что о Максе есть кому позаботиться. Ради концовки Дачесс регулярно ездит на велике в Салинос, в библиотеку, продлять книжку на очередные две недели. Пара миль туда, пара миль обратно.

Из гостиной донеслись голоса. Дарк – владелец дома, у Стар нет денег на арендную плату. Дачесс достаточно взрослая, чтобы знать, чем это грозит; но и слишком юная, у нее все еще получается по-страусиному прятать голову в песок.

Мысли перекинулись на домашнее задание. В полном дерьме она окажется, если не закончит проект. Ее после уроков оставят, а этого она допустить не может. Кто тогда заберет брата? На Стар полагаться нельзя.

Дачесс решила лечь спать. Она встанет пораньше, с рассветом, и дорисует семейное древо. Подошла к окну, чуть раздвинула шторы, выглянула. Пустынная, сонная улица.

Напротив – дом Милтона, крыльцо ярко освещено. Всегда Милтон оставляет фонарь, мошкara слетается, трепещут хрупкие крылышки. А вот лисица – гибкая, изящная. Миг – и пропала, пересекла грань между светом и тьмой. Взгляд скользнул чуть в сторону, к дому Брендона Рока. На тротуаре – мужчина. Смотрит на ее окно. Дачесс ему не видна – она ведь стоит за шторой. Он высокого роста; не такой громила, как Дарк, но все равно. Волосы коротко острижены, плечи сутулые – будто гордость сползла с них, съехала, как с откоса.

Дачесс легла в постель.

У нее уже и веки отяжелели, и вдруг раздался крик.

Крик ее матери.

Дачесс выскользнула из спальни с отработанной осторожностью – как и положено девочке, для которой ночные ужасы не в новинку, у которой мать крутит с самыми отпетыми из мужчин. Заперла дверь: Робин будет спать, а если даже и проснется – к утру все позабудет. Про ночь он никогда ничего не помнит.

Послышался голос Дарка – как обычно, ровный, твердый.
– Успокойся, – произнес Дарк.

Дверь они как следует не закрыли. Из щели резануло по глазам – гостиная показалась преисподней. Торшер – как прожектор, и в круге света, на ковре, распростерта Стар. Дарк сидит на стуле, прямо над ней. Смотрит сверху вниз, будто Стар – дикая, опасная тварь, только что успешно им

усыпленная. Дарк – слишком крупный и для этого стула, и для их домишки в целом. И для того, чтобы Дачесс лично с ним поквитаться.

Впрочем, она знала, какие действия сейчас будут правильными. И какие из половиц скрипят, а какие – нет. Дачесс прокралась в кухню. 911 она звонить не станет – оттуда сразу пойдут данные в соцзащиту. Она набрала сотовый номер Уока, услышала шум, но обернулась слишком поздно – Дарк успел выхватить у нее телефонную трубку.

Дачесс вцепилась ему в запястье – прямо ногтями. Давила, куда не увидела кровь. Свободной рукой Дарк взял ее за плечо, потащил из кухни. Она сопротивлялась, по дороге опрокинула столик.словно в замедленном кино, полетели на пол фотографии, в их числе и та, где Робин был запечатлен совсем маленьким, когда его впервые отвели в садик.

Дарк возвышался над ней, нависал.

– Я тебе ничего не сделаю, а ты копов не вызывай.

Голос глухой, будто и не человеческий. Дачесс кое-что слышала о Дарке – обрывки всяких историй. Говорили, однажды на Пенсакола-стрит его один тип подрезал; Дарк беднягу из машины выволок и шарах об капот. Вмятку лицо разбил, а у самого ни единый мускул не дрогнул. Люди останавливались, загипнотизированные этой невозмутимостью.

Дарк уставился на Дачесс в обычной своей манере. Вперил взгляд в лицо, перевел на волосы, вернулся к глазам, скользнул ко рту. Смаковал, усваивал каждую деталь; дро-

жать хотел заставить.

Только Дачесс не поддалась. Запрокинула голову – маленький нос сморщился, как у свирепого зверька, – и отчеканила:

– Я – Дачесс Дэй Рэдли, и я вне закона. А ты, Дикки Дарк, только против слабой женщины герой.

Она вырвалась, побежала к парадной двери. Сквозь стекло лился оранжевый свет уличного фонаря, на мгновение Дачесс оказалась в нем, как в купели. Мать с визгом, с воем бросилась на Дарка.

Нет, Дачесс не поспешит на помощь. Толку от этого не будет. Разумнее переждать здесь, под дверью. И Дачесс ждала, пока не увидела человека во дворе.

За ее спиной размахивала кулачками Стар. Дарк схватил ее за запястья, зафиксировал, точно в тисках.

Решение созрело быстро. Что бы ни происходило на улице, едва ли там будет страшнее, чем тут, в доме. Дачесс отомкнула замок, и глянула мужчине в лицо, и посторонилась, пропуская его в прихожую. Незнакомец схватился с Дарком, размахнулся, засветил ему по скуле.

Дарк не дрогнул. Он узнал соперника, это было видно. Застыл, вытаращился и принялся, судя по лицу, взвешивать свои шансы. Конечно, он гораздо крупнее, шире в плечах; но этот – соперник – изнутри пылает жаждой схватки.

Дарк сунул руку в карман, извлек связку ключей. Покинул дом без суеты, без паники и спешки. Незнакомец вышел

вслед за ним, Дачесс – тоже.

Она смотрела на дорогу, пока не исчезли из виду хвостовые огни «Эскалейда» Дарка.

Незнакомец повернулся к ней, но взгляд почти сразу переместился на заднее крыльцо, где, прерывисто дыша, стояла Стар.

– Дачесс, иди в дом.

Дачесс ничего не сказала. Молча последовала за матерью, оглянувшись один раз на этого, чужого, будто посланного охранять ее.

Рубаха, порванная в драке; внезапность лунного света. Грудь как рельефная карта с перекрестьями шрамов – старых и сравнительно свежих.

Обуреваемая усталостью, Дачесс даже не пыталась бодриться. Плелась еле-еле – стоило ускорить шаги, как становилось тяжело дышать. Все равно воспаленные, красные веки никуда не денешь, не скроешь. А шум в ушах – эхо давних скандалов – вообще неистребим, по этому поводу и заморачиваться не стоит.

Робин дернул ее за руку, она опустила взгляд. Ясные глазки, свеженькая мордашка – определенно, Робин спокойно проспал всю ночь.

– Ты в порядке, Дачесс?

Ишь, волнуется.

Она несла и его рюкзак, и свой. Предплечье щеголяло синяком – Дачесс ночью ударилась, при падении. Проект с семейным древом был готов лишь наполовину. Училась Дачесс сносно, перебивалась с тройки на четверку; съехать – себе дороже. Держаться старалась тише воды ниже травы. Нельзя ей вляпаться, иначе Стар вызовут в школу. С родительскими собраниями Дачесс выкручивалась: «Понимаете, у мамы вечерняя смена, она не может прийти»; пока что прокатывало. На большой перемене уединялась – незачем ребятам видеть, что там у нее в пакетике для завтрака. Порой – только хлеб с маслом, причем нередко черствый до громкого хруста. Она такая не одна, у некоторых дела еще хуже; Дачесс это знала,

просто не хотела примыкать к лагерю вовсе заброшенных.

– Я спала рядом с тобой, а ты всю ночь лягался, – сказала она брату.

– Прости. Ночью кто-то шумел. А может, мне приснилось.

Робин пробежал чуть вперед, нырнул в соседний двор, нашел там длинную палку. С ней и вернулся – будто щенок. Стал представлять старика – опирался на палку, кряхтел, пока Дачесс не рассмеялась.

Открылась парадная дверь, и на крыльце возник Брендон Рок, известный трепетным отношением к своему «Мустангу». Стар говорила, лучше бы он так о жене заботился – глядишь, она бы до сих пор с ним жила.

На Брендоне была куртка-университетка¹³, линиялая и тесная – рукава с трудом дотягивали до середины предплечий. Брендон зыркнул на Робина.

– Не смей приближаться к моей машине.

– Сдалась она ему!

Брендон пересек лужайку, остановился почти вплотную к Дачесс.

– Тебе известно, что там спрятано?

Он мотнул головой в сторону «Мустанга», заботливо покрытого синим брезентовым чехлом. Ритуал Дачесс наблю-

¹³ *Англ.* letterman, от слова letter («буква»). Куртки с контрастными рукавами и нашитыми буквами изначально имели право носить только члены школьных и университетских спортивных команд. Куртка-университетка, или леттерман, отличала успешного, популярного парня от «среднячков». Позднее стала культовой вещью.

дала ежевечерне: Брендон укутывал свою тачку, словно бесценного первенца.

– Мама говорит – насадка на пенис.

К удовлетворению Дачесс, Брендонны щеки вспыхнули.

– Это «Мустанг» шестьдесят седьмого года.

– Ага. И куртка тоже в шестьдесят седьмом сшита.

– Потому что это мой номер. Ты у мамы поспрашивай обо мне. Я был чемпионом штата. Говорили, что у меня напор тореадора.

– Как-как? Запор пидора?

Робин шагнул к Дачесс, взял ее за руку. Брендон сверлил ей спину взглядом, пока они с Робинем не свернули с Айви-Ранч-роуд.

– Чего он разозлился, Дачесс? Я к его «Мустангу» даже не подходил.

– Брендон хочет с нашей мамой встречаться, а она ему каждый раз – от ворот поворот. В этом все дело.

– Вчера Дарк приезжал, да?

Они шли навстречу солнцу. Владельцы магазинчиков поднимали рольставни – готовились торговать.

– Я лично ничего не слышала.

Зимой, без курортного лоска, Кейп-Хейвен куда милее, куда честнее, считала Дачесс; зимой он – как все города. Лето – долгое, дивное, дрянное – ее изматывало.

Возле закусочной Розы, под тентом, как всегда, расселась компашка Кэссиди Эванс. Мини-юбки, длинные загорелые

ноги напоказ. Патлами трясут, губки надувают – чмоки-чмоки, подружка.

– Пойдем лучше по Вермонт-стрит, – сказал Робин и, не дожидаясь ответа, потащил Дачесс вперед. Мейн-стрит с заведением Розы, с гарантированными смешками и шепотками осталась сбоку. – Дачесс, а что мы летом будем делать?

– Что всегда. Гулять. Загорать. Купаться.

– А. – Робин шел, глядя себе под ноги. – Ноя везут в Диснейленд. А Мейсона – вообще на Гавайи.

Дачесс стиснула ему плечико.

– Ладно, придумаю что-нибудь интересное.

Впереди показалась плакучая ива, тропка от которой вела напрямик на Фордхем-стрит. Робин бросился к иве, стал карабкаться на нижнюю ветку. Может, сегодня у него получится.

– Доброе утро.

Дачесс обернулась. Здорово она устала, далеко улетела в мыслях – даже не слышала, как подъехал и притормозил знакомый автомобиль.

Она остановилась. Уок заглушил мотор, снял солнечные очки. Взгляд у него был пронизательный.

– Всё в порядке?

– Конечно.

Дачесс моргнула – как стряхнула и пальцы-щупальца Дарка, и вопль матери.

Уок явно не верил. Терял свою рацию, потом стал от-

бивать ритм на двери автомобиля.

– Сегодня ночью было тихо?

Вот откуда, блин, он всегда все знает?

– Я ведь уже ответила.

Уок улыбнулся. Занудой он не был, что да, то да. По крайней мере, с Дачесс. Он за ней присматривал, хотя Дачесс знала: для отдельных взрослых «присматривать» равняется «заваривать кашу», которую потом расхлебывает отнюдь не «кашевар».

– Вот и хорошо, – сказал Уок.

Рука у него дрожала, большой и указательный пальцы почему-то все время соприкасались и размыкались.

Он просёк, что Дачесс это заметила, и убрал руку из поля ее зрения. Пьет, небось, думала Дачесс; интересно, по сколько в день?

– Мне ты можешь довериться, Дачесс, – не забыла?

Для доверительных разговоров она была слишком измотана. И вообще, на кой он ей сдался, этот Уок – жирный, с добродушным лицом и похмельными глазами; весь мягкий, как желе или пудинг... Тело у него мягкое, улыбка мягкая, и взгляд на то, чем живет Дачесс, тоже мягкий, снисходительный.

Она проводила Робина до калитки, помахала мисс Долорес и направилась к школе. Остались считанные учебные дни, потом – каникулы. Совсем недолго потерпеть. Все бы ничего, если б не проект. Дачесс точно опозорится. Тестов она не

пропускала, с ними порядок; не то что с семейным древом. От гадкого предчувствия свело живот, Дачесс даже схватилась за больное место. Будто на узел кишки завязаны. Выйти к доске, открыться перед всем классом – мол, не знаю, кто мой отец – выше ее сил.

В холле она нашла свой шкафчик, попробовала улыбнуться девчонке, что околачивалась рядом. Наткнулась на полное безразличие. Не удивилась. Это уже давно так: ребята будто знают, что денег у нее нет, а есть вечный недосып и ответственность, со всеми вытекающими. Ну и кому нужна подружка, с которой ни поиграть, ни потусить?

Дачесс уселась на свое место – ряд у окна, стол – не самый ближний к доске, но и не галерка. Стала глядеть на поле. Птицы – целая стая – копошились в земле, искали, клевали что-то.

Если Дачесс оставят после уроков, кто Робина из сада заберет? Никто. Ни-кто. Она сглотнула комок. Глазам стало горячо, но Дачесс не заплакала.

Открылась дверь, но впустила совсем не мистера Льюиса. Бочком вошла пожилая женщина: в руке дымящийся пластиковый стаканчик, очки на шнурке. По классу поплыл запах кофе. Понятно: учительница на замену.

Всем было сказано открыть учебники, читать очередной параграф и не шуметь. Вот и хорошо. Очень кстати. Дачесс положила локти на стол и уткнулась в них лицом.

Дарк обнаружился, как и предполагал Уок, на фейрлоновском участке. От дома остался фундамент с кучей шифера; рабочие разгребали завалы. Два грузовика были готовы увезти прочь самую память о семье Фейрлон, о доме, о целой жизни.

Дарк следил за работами. Одного его присутствия было достаточно, чтобы парни и не помышляли об отлынивании. Заметив Уока, Дарк чуть распрямил плечи – и тот невольно попятился.

– Хорошая погода. Лия сказала, ты звонил в участок. Снова проблемы в клубе?

– Нет.

Слова из него лишнего не вытянешь, из этого Дарка. Сколько Уок ни пытается – Дарк отвечает односложно и точно; в такой манере впору дротики метать.

Рука дрожала, Уок спрятал ее в карман.

– Что происходит?

Дарк указал на дом позади себя.

– Моя собственность.

Дом, совсем маленький; ставни облуплены, крыльцо прогнило; налицо усилия содержать всё в пристойном виде, а впечатление такое, что не сегодня завтра дом будет снесен, заменен куда более прибыльной недвижимостью.

– Здесь живет Ди Лейн, – возразил Уок.

Сама Ди Лейн стояла у окна; он помахал ей, она будто не заметила. Смотрела мимо. Океанский простор, вид на миллион долларов; роскошное равнодушие пейзажа.

– Ди Лейн арендует дом с участком. Не желает съезжать. Но у меня все бумаги готовы.

– Я с ней поговорю. Она здесь давным-давно поселилась. Молчание.

– И у нее дети, две девочки.

Дарк отвернулся, вперил взор в небо. Похоже, упоминание о девочках разбудило в нем нечто человеческое.

Уок воспользовался шансом рассмотреть его. Черный костюм. Часы самые обыкновенные – ремешок охватывает запястье толщиной с лодыжку. Интересно, думал Уок, с чего он начинал как бизнесмен? Наверное, машину продал, седан какой-нибудь...

– Зачем тебе этот дом?

– Снесу его. Участок пойдет под застройку.

– А за разрешением обращался?

Уок отслеживал такие заявки. Каждый раз все в нем вспыхивало против сноса старого и насаждения нового.

– Говорят, ночью было беспокойно, Дарк; я имею в виду дом Рэдли.

Дарк молчал.

Уок улыбнулся, констатировал:

– Маленький городок у нас.

– Скоро увеличится. Ты переговорил с Винсентом Кингом?

– Он... Он ведь только что вернулся, поэтому в ближайшее время едва ли...

– Давай напрямик.

Уок откашлялся.

– Винсент велел передать, чтобы ты шел сам знаешь куда.

Физиономия Дарка подвигалась и застыла, трансформировалась в грубо слеplенную маску, которой надлежит изображать печаль. А может, простое недовольство. Он хрустнул костяшками пальцев – звук был как ружейный выстрел. Уок покосился на его ботинки сорок последнего размера, живо представил, как они топчут, крушат, гребят...

Он пошел к дому Ди Лейн, мимо искореженного фейрлоновского участка. Рабочие перекуривали возле бульдозеров, ждали сигнала, щурясь на солнце.

– Инспектор Уокер.

Он оглянулся.

– Мисс Лейн может оставаться в доме еще неделю. Может держать свои вещи у меня на складе. Пусть выставит их из дому, мои люди приедут, заберут. Это бесплатно.

– Широкий жест, Дарк.

Узенькая терраска с клумбой по краю – как свидетельство: да, домик почти игрушечный, но хозяйка украшает его не менее заботливо, чем украшала бы внушительную виллу. Уок знал Ди Лейн уже двадцать лет, и все эти годы она здесь,

на Фортуна-авеню, и прожила. Ди была замужем, но беспутный муж бросил ее, оставив гору счетов и двух дочек.

Ди вышла навстречу, отодвинула экранную дверь.

– Рука бы не дрогнула убить этого выродка!

Ди была миниатюрна – пять футов с дюймом росту – и шокирующе хороша собой. Казалось, она прежняя в упор расстреляна взводом последних лет. Непредставимо, чтобы такая кроха действительно напала на огромного Дарка.

– Ди, я мог бы подыскать для вас...

– Пошел на фиг.

– Дарк прав? Это именно сегодня?

– Сегодня, только Дарк ни разу не прав. Три года он деньги за аренду от меня лично получал – с тех пор, как этот дом у банка перекупил. Но обрушился участок Фейрлонов, и теперь лучший вид – не из их бывшего дома, а из моего. Дарковского, в смысле. А мне письмо счастья пришло – прочти.

Она выудила конверт из стопки корреспонденции и вручила Уоку. Тот прочел с максимальным вниманием.

– Вот беда... Я очень сочувствую вам с девочками. Тебе есть с кем поговорить?

– С тобой вот говорю.

– Я имел в виду юристов.

– Дарк утверждал, что я и дальше смогу тут жить.

Уок перечитал письмо, просмотрел собственно документы.

– Хочешь, я укладываться помогу? А девочки... они уже

знают?

Ди зажмурилась – напрасно. Вновь распахнутые глаза были полны слёз. Она покачала головой – дескать, нет, ни шестнадцатилетней Оливии, ни восьмилетней Молли пока ничего не известно.

– Дарк говорит, вы можете задержаться на неделю.

Ди вдохнула поглубже.

– Ты в курсе, что мы одно время встречались? После того... после Джека.

Уок был в курсе.

– Я тогда думала... Дарк – он ведь объективно красивый... Только он будто не из нашего теста. Посмотреть – вроде все с ним нормально; но от него холодом веет. Будто он и не человек, а робот. Ко мне ни разу не прикоснулся.

Уок нахмурился.

– Понятно же, что это означает.

Уок покраснел.

– Я не из тех, кому невтерпёж, у кого свербит. Но сам посуди: пятое свидание, потом шестое – да любой мужчина уже давно начал бы всерьёз подкатывать. Но только не Дарк. Потому что нормальность – это не про Дикки Дарка.

Во дворе стояло несколько больших коробок, и Уок хотел внести их в дом. Ди остановила его.

– Это на выброс. Сегодня утром начала паковаться – будто всю жизнь свою по коробкам распихивала. И знаешь, что мне стало ясно?

Ди теперь плакала в открытую. Не всхлипывала, не шмыгала носом. Слезы просто катились по щекам, не производя никаких звуков.

– Я их подвела, Уок.

Он хотел возразить, но Ди резко вскинула руку.

– Я подвела моих девочек. Из-за меня они теперь бездомные. Я ничего для них не сохранила; ни-че-го.

* * *

В тот вечер, когда мать и Робин уснули, Дачесс выбралась из дома через окно спальни и вскочила на велосипед.

Сумерки уже сгустились. Конец пронзительно-синему дню, атрибуты его – мусорные контейнеры, выставленные за ворота, и запах остывающих, закапанных жиром углей. Чуть ли не в каждом дворе днем готовили барбекю. Под ложечкой ныло – Дачесс была вечно голодна. Зато Робин, ее стараниями, ел досыта.

Она свернула на Мейер-стрит. Здесь начинался крутой склон. Дачесс сняла ступни с педалей; велик неслся мимо билбордов, что от скорости слились в мутную полосу. Шлема у Дачесс не было. Шорты, кофта на молнии, сандалии – вся ее экипировка.

У поворота на Сансет-роуд она затормозила.

Дом Кингов импонировал ей и упадком, и местоположением. Он словно дистанцировался от целой улицы, словно

посылал всех куда подальше.

Хозяина Дачесс увидела сразу.

Гаражные ворота были подняты, Кинг, стоя на приставной лестнице, отдирал шиферные листы. Полкрыши успел обработать. На земле лежали рулон рубероида и всякие инструменты – молотки, отвертки; стояла тачка, груженная строительным мусором. Фонарь давал ровно столько света, сколько нужно.

Дачесс знала Сисси по фотографиям. Ассоциировала себя с ней. Они похожи почти как близняшки: белокурые, светлоглазые, с веснушками на одинаковых точеных носиках.

Медленно она стала подруливать к дому. С усилием давила на педали, удерживала равновесие; чувствовала, как трет сиденье. Затормозила ногой.

– Ты был возле моего дома.

Мужчина обернулся.

– Меня зовут Винсент.

– Знаю.

– Когда-то я дружил с твоей мамой.

– И про это знаю.

Он улыбнулся. Вышло неестественно. Будто он не хотел, но считал, что так положено. Будто заново осваивал человеческие навыки. Дачесс не улыбнулась в ответ.

– С твоей мамой всё в порядке?

– С ней всегда всё в порядке.

– А с тобой?

– Нашел у кого про порядок спросить! Я – вне закона.

– Вон оно что... Те, которые вне закона, – плохие, верно?

– Буйный Билл Хиккок убил двоих, прежде чем стал шерифом. Может, когда-нибудь я исправлюсь. А может, и нет.

Дачесс подружила чуть ближе. Заметила: футболка у него темная от пота – под мышками и на груди. К гаражной стенке крепилось баскетбольное кольцо; сетка отсутствовала. Дачесс задумалась: помнит Винсент Кинг, как мяч бросают? Вообще что-нибудь из прежней жизни помнит?

– Из всего, что можно отнять, свобода – самое ценное? – спросила она и сама себе ответила: – Да, наверняка.

Винсент стал спускаться.

– У тебя шрам. Вон, на руке.

Он покосился на свое предплечье. Ну шрам. Ну длинный. Он к нему привык.

– И по всему телу шрамы, – продолжала Дачесс. – Тебя там били?

– Ты очень похожа на мать.

– Только внешне.

Она чуть подала назад, подергала бантик в волосах.

– Это для отвода глаз. Люди смотрят и думают: обычная девчонка.

Дачесс стала кататься перед ним – взад-вперед, взад-вперед.

Винсент взял отвертку и медленно приблизился.

– Тормоз заедает, потому и педали туго ходят.

Она не отвечала, только смотрела в упор.

Винсент опустился на колени – осторожно, чтобы не прикоснуться к ее голой лодыжке. Прodelал несколько манипуляций с тормозом, встал, отошел.

Дачесс крунула педали. И впрямь, теперь колесо вращалось куда легче. Луна скрылась. Винсент Кинг и запущенный его дом стояли будто на краю земли – за ними было только звездное небо.

– Чтоб я тебя возле нашего дома больше не видела. Нам никто не нужен.

– Как скажешь.

– Не хотелось бы добавлять тебе шрамов.

– Да, я тоже против.

– Пацана, который твое окно разбил, зовут Нейт Дормен.

– Полезная информация.

Дачесс развернулась и не спеша покатила домой.

На Айви-Ранч-роуд, у ее дома – она еще издали увидела – ворота были нараспашку. К ним зарулил автомобиль такой огромный, что по длине едва вписался в габариты двора. Понятно: Дарка принесло.

Дачесс прибавила скорости. Отчаянно крутила педали. Зачем, зачем только она уехала? Ворвалась во двор, спрыгнула с велика, рухнувшего прямо на траву. Она не пойдет через холл – проникнет в дом через кухню. Короткая перебежка, пот ручьем по спине. Крыльцо и задняя дверь, и телефонная трубка, ловко легшая в ладонь. И – смех из гости-

ной. Материнский смех.

Невидимая для этих двоих, Дачесс наблюдала. Бутылка на журнальном столике – ее успели ополовинить. Букет красных цветов – такие продаются в Пенсаколе, в магазинчике при автозаправке.

Ладно, пусть их. Дачесс выбралась во двор, обошла дом и через окно залезла в спальню. Удостоверилась, что дверь заперта изнутри. Сняла шорты, поцеловала брата в темечко, раздвинула занавески и устроилась в изножье Робиновой кровати. Пока в доме этот громила, она не позволит себе уснуть.

– Расскажи про девочку, – попросил Винсент.

Они с Уоком сидели на задней скамье в церкви. В окно виднелся угол кладбища и дальше – океан. Стёкла были пыльные, и пейзаж тоже казался несвежим. Сначала сходили на могилку Сисси. Уок дал Винсенту побыть одному. Винсент принес цветы, преклонил колени, прочел надпись на могильном камне. Позы не менял целый час, пока не вернулся Уок, пока не положил ладонь ему на плечо.

– У Дачесс детства нет, да толком и не было.

Уок полагал, что осведомлен лучше остальных.

– А Робин?

– О нем заботится Дачесс. Делает то, что должна бы делать ее мать.

– Про отца известно?

Уок глядел на ряды скамей. Их красили в белый цвет, а каменный пол прикрыть забыли. Теперь он усеян мелкими каплями. Уок поднял взгляд, оценил высоту сводчатого потолка, детали арок. Церковь дышит красотой – недаром же ее постоянно фотографируют курортники, а по воскресеньям на скамьях нет свободных мест.

– В обоих случаях – ничего серьезного. У Стар были отношения, свидания; в некий период она возвращалась домой только под утро – я видел.

– Путь стыда.

– Нет, стыда как раз не было. Ты ведь знаешь Стар – когда она чего стыдилась?

– Не знаю я ее. Похоже, не знал и раньше.

– Да ладно. Она прежняя девчонка. Та, что была твоей парой на выпускном – ну после девятого класса.

– Я писал Хэлу. Ее отцу.

– Он тебе отвечал?

– Да.

Минут десять прошло в молчании. Уок мучился вопросом, на которые не желал знать ответов. Отец Стар известен суровым нравом. В Монтане у него ранчо, многие акры земли. В Кейп-Хейвен не ездит – боль слишком сильна. Внучку и внука никогда не видел.

– Сначала он посоветовал мне покончить самоубийством.

Уок вперил взгляд в стену. Фреска: сонм святых, суд, прощение.

– Я бы послушался, да он передумал. Решил, что смерть – это слишком легко. Прислал мне фотографию... – Винсент сглотнул. – Фотографию Сисси.

Солнечный луч ощупью подобрался к кафедре, остро осветил грань. Уок закрыл глаза.

– Ты в город уже выходил?

– Это чужой город.

– Освоишься.

– Надо будет заглянуть к Дженнингсу. Купить краску.

Вроде теперь Эрни владеет магазином?

– Тебя это смущает? Я поговорю с ним.

В ту ночь Эрни вместе со всеми участвовал в поисках. Был первым, кто заметил поднятую руку Уока. Первым, кто бросился к нему. При виде мертвой девочки Эрни попятился, согнулся пополам, и его вырвало.

Со скамьи они поднялись одновременно. Вышли на воздух. Дорожка к обрыву заросла травой, памятники покосились. Внизу, в двухстах футах от Винсента и Уока, неистовствовал прибой.

Превозмогая головокружение, Уок заговорил:

– Я часто думаю про нашу четверку. Смотрю на местных ребят, на Дачесс и Робина – а вижу нас с тобой, Марту и Стар. Она знаешь что на днях сказала? Что на пятнадцать себя ощущает. Нам надо держаться вместе – мне, тебе и Стар. Может, мы всё вернем. Ну почти. Раньше было проще, раньше было...

– Послушай, Уок. Тебе, я смотрю, много чего мерещится насчет прошлого; ты, наверное, навоображал всякого... Так вот: я теперь другой человек.

– Почему ты после смерти матери отказывался от свиданий со мной?

Винсент все глядел вниз, на скалы и пену. Будто не слышал.

– Он мне писал. В смысле, Хэл. Каждый год. В день рождения Сисси.

– Тебе не следовало...

– Иногда письма были короткие. Типа, вот, ей бы сегодня исполнилось... Будто я без него не помню. А иногда – страниц по десять. Не одна брань, не думай. В нем – в старом Рэдли – что-то тоже менялось; он мне внушал, что делать, убеждал, чтобы я к людям не лез, не тянул за собой на дно.

Вон оно что. Уоку-то казалось, Винсентом движет инстинкт самосохранения... Теперь Винсент объяснил. Теперь понятно.

– Если исправить не можешь, если такого наворотил, что...

Они увидели траулер, «Путь Солнца». Уок знал и посудину, и команду. Синяя краска по ржавым бортам, обтекаемость линий, проволока и сталь. Идет без грохота и волну не поднимает, если не считать белых «усов» по обе стороны корпуса.

– Случается то, что должно случиться. На все свой резон, а болтовней ничего не изменишь.

Уоку хотелось знать, как Винсент провел эти тридцать лет, но шрамы на его запястьях предостерегали: не спрашивай, было еще хуже, чем тебе представляется.

На обратном пути молчали. Винсент норовил пройти переулками, глядел строго под ноги, ни разу головы не поднял.

– Стар... Она... она много с кем крутила?

Уок пожал плечами. Намек на ревность? Нет, пожалуй, только слышалось.

Винсент свернул на Сансет-роуд, дальше побрел один. Уок смотрел ему вслед, думал: вот сейчас придет – и будет латать свой старый пустой дом...

После ланча Уок поехал в клинику «Ванкур-Хилл».

В лифте поднялся на четвертый этаж, сел на кушетку в приемной, пролистал глянцевого архитектурного журнала. Особняки в минималистском стиле, естественный свет и белизна не опошленных деталями поверхностей – квадрат стекла на квадрат оштукатуренной стены, ни намек на устаревшую плавность, ни единой извилины – впрочем, как и в мозгах счастливых собственников. Уок втянул голову в плечи, стараясь скрыть лицо от соседки, хотя она, совсем молодая, так же, как и он, страдала от предательства собственного тела, так же, как и он, не понимала, за что ей это.

Услышав свою фамилию, Уок вскочил и бодро прошагал к кабинету – никаких внешних признаков, никто не догадается, что считанные часы назад его мучила боль почти невыносимая.

– Таблетки не помогают, – сказал он, усевшись перед врачом.

Безликий кабинет. Единственный намек, что прием ведется живым человеком, а именно доктором Кендрик – это фотография в рамке; да и та развернута от пациента.

– Снова рука беспокоит, мистер Уокер?

– Не только рука. Все тело. Утром по полчаса в кучку собираюсь, чтобы с постели встать.

– Но в других аспектах у вас ведь нет ухудшений? Вы по-прежнему легко ходите, можете улыбаться?

Против воли Уок улыбнулся. Доктор Кендрик улыбнулась в ответ.

– Пока только руки и плечи немеют, но ясно ведь, что скоро начнутся проблемы с ходьбой, мимикой и прочим.

– И вы до сих пор никому не говорили?

– Они всё спишут на алкоголь.

– А у вас проблем с алкоголем, конечно, нет?

– При моей работе злоупотребление спиртным невозможно.

– Вы ведь понимаете, что сообщить придется.

– Чего ради? Чтобы меня перевели бумажки разбирать?

– Почему сразу бумажки? Мало ли занятий.

– Бездельничать – это не по мне. Увидите, как я с удочкой расслабляюсь, – просто пристрелите меня сразу, и всё. Разрешаю. Потому что быть полицейским – это... короче, мне моя работа по душе. Жизнью я доволен. И не хочу расставаться ни с первым, ни со вторым.

Доктор Кендрик невесело улыбнулась.

– На что еще жалуетесь?

Уок уставился за окно. Хорошо, что вид такой красивый – можно прикинуться, будто им любуешься, а самому обдумать, какие подробности для докторских ушей, а какие – нет. Определенные проблемы при мочеиспускании и опорожнении кишечника. Гораздо более серьезные проблемы –

со сном. Кендрик заверила, что это нормально, посоветовала сбросить вес, сесть на диету, увеличить дозу лекарств, начать принимать «Леводопу». Ничего принципиально нового. Уок не из тех, кто слепо следует наставлениям врачей. Свободное время он проводит в библиотеке. Проштудировал гипотезу Браака¹⁴, изучил все шесть стадий и даже прочел биографию самого Джеймса Паркинсона.

– Вот хрень! – Вырвалось само, и Уок тотчас вскинул руку. – Извините, доктор. Я обычно не сквернословлю.

– Хрень полнейшая, – согласилась доктор Кендрик.

– Нельзя мне работу терять. Нельзя, и точка. Я людям нужен. – (Ой ли? А не много ли он на себя берет?) – И вообще, пока проблемы только с правой стороной, – добавил Уок. Солгал, разумеется.

– Есть анонимная группа, – сказала доктор Кендрик.

Уок поднялся.

– Прошу вас, мистер Уокер.

Она протянула буклет, и Уок взял его.

* * *

Дачесс сидела на песке. Обняв колени, следила за братом. Робин бродил в полосе прибоя, по щиколотку в воде. Ракуш-

¹⁴ Гейко Браак (р. 1937 г.) – немецкий врач, ученый. В 2003 г. выдвинул и подтвердил на животных теорию о вирусном происхождении болезни Паркинсона и описал шесть стадий ее развития и прогрессирования.

ки собирал. Оба кармана уже набил, да только в основном осколками, а не целыми ракушками.

Поодаль, слева, развлекались ребята из ее школы. Девчонки в купальниках; азартная игра в мяч. Воздух звенел, но ни смешки, ни выкрики не задевали Дачесс – они плыли мимо. Дачесс умела уходить в себя, и неважно где – на людном пляже или в классе. Талант привалил от матери, но прогрессировать Дачесс ему не давала, много сил на это тратила. Потому что Робину стабильность нужна, а не сестра-мизантропка, которая претя по дерьмовой своей жизни, куксясь, щерясь и толкаясь локтями.

– Еще одну нашел! – объявил Робин.

Дачесс встала, пошла к нему. В первое мгновение вода показалась ледяной. Бесконечный скалистый пляж – хоть вперед гляди, хоть назад. Дачесс поправила брату панамку, потрогала предплечья, уже нагретые солнцем. Денег на лосьон у них не было.

– Смотри не обгори.

– Не обгорю.

Дачесс включилась в поиски. Вода была прозрачная, Дачесс почти сразу заметила плоского морского ежа. Взяла, показала Робину. Мальчик расцвел улыбкой.

А потом он увидел Рикки Тэллоу и бросился навстречу, и они, двое чудиков, крепко обнялись.

– Здравствуй, Дачесс.

Лия Тэллоу.

Вот бы у Стар было такое лицо – простенькое, милое. Обыкновенное. С таким лицом не поют ночами в барах, не отклячивают задницу, не трясут сиськами. Про такую женщину сразу все понимают: она – мать. И не пелятся на нее, даже когда она по пляжу идет.

– Нам пора домой, Робин, – сказала Дачесс.

Брат сник, но промолчал.

– Можешь оставить Робина с нами, Дачесс. Мы его потом привезем. Адрес напомним только.

– Айви-Ранч-роуд, – ответил вместо Дачесс отец Рикки.

Седые, сильно отросшие волосы, мешки под глазами. Дачесс нечасто видела мистера Тэллоу, но раз от разу мешки эти казались темнее и тяжелее.

Лия сверкнула взглядом на мужа.

Он отвернулся. Вывалил из мешка игрушки – целый пляжный набор. У Робина глазенки загорелись, однако он ни словечка не произнес. Дачесс знала: Робин не попросит купить ему лопатку или ведерко. Потому что уже догадывается. Лучше б просил, даже кланчил – маленький, стойкий ее братик. Лучше б он кланчил, чем глядеть вот так, молча.

– Правда, миссис Тэллоу? – спросила Дачесс, выдержав паузу.

– Конечно. Наш старший тоже остается. Поучит ребят какому-то особенному броску.

Робин глядел умоляюще.

– Мы привезем Робина к ужину, – заверила Лия.

Дачесс отвела брата в сторонку, опустила колени на песок. Взяла в ладони мордашку мальчика.

– Обещай, что будешь хорошо себя вести.

– Ага. – Робин косил назад, на Рикки, который уже взялся рыть тоннель в песке. – Я буду послушным. Клянусь.

– Держись рядом с ними. Не убегай. Говори «спасибо» и «пожалуйста». И ни слова про маму, понял?

Робин кивнул с максимально серьезным видом. Дачесс чмокнула его в лобик, махнула Лии Тэллоу и по раскаленному песку пошла к скале, у которой ждал велосипед.

К тому времени как Дачесс добралась до Сансет-роуд, пот струился с нее ручьями. Последние пятьдесят ярдов она проделала пешком, толкая велосипед перед собой. Остановилась возле кинговского дома.

Винсент Кинг работал наждачкой, пот капал с подбородка. Несколько минут Дачесс молча наблюдала за ним. Мускулы по всей длине рук, а сами руки худощавые, жилистые. Нет этой фальшивой бугристости, какую демонстрируют пляжные качки. Дачесс пересекла улицу и остановилась у подъездной дорожки.

– Помочь хочешь? – Винсент отвлекся от работы, уселся на крыльце в обнимку с недоошкуренной доской. Свободную руку он протянул Дачесс.

– Была охота тебе помогать.

Он снова занялся ошкуриванием. Дачесс прислонила велосипед к забору и сделала несколько шагов по дорожке.

– Может, попить тебе принести? Или еще что-то надо?

– Ты – чужой.

Она заметила: когда Винсент Кинг тянет руку, из рукава футболки выныривает татуировка. Текли минуты. Винсент работал, Дачесс наблюдала.

Минут через десять она подошла еще чуть ближе.

Винсент снова прервался.

– Ты его знаешь – в смысле, мужчину, который приезжал той ночью?

– Он так на меня смотрит, будто насквозь видит.

– Часто он бывает у вас?

– В последнее время что-то повадился. – Дачесс отерла пот со лба, да не ладонью, а всем предплечьем, с размаху.

– Хочешь, я Уоку скажу?

– От тебя мне ничего не надо.

– Тебе есть к кому обратиться, кроме Уока?

– Я – вне закона; у меня в предках сплошные бандиты.

– Я дам тебе свой телефон. Позвонишь, если этот тип снова заявится.

– Даллас Студенмайр за пять секунд уложил троих. Я – его наследница – уж как-нибудь справлюсь с одним.

Дачесс помялась с ноги на ногу, почувствовала, что сильно тянет бедро; подошла наконец к дому и села на нижнюю ступень крыльца. Винсент Кинг сидел пятью ступенями выше.

В очередной раз он вернулся к работе. Сгорбленная спи-

на, размеренные движения, рука ходит вперед-назад, вкусно шуршит по дереву наждачная бумага. Дачесс взяла занозистый чурбачок и обрывок наждачки, тоже занялась ошкуриванием.

– Почему ты не продашь дом? Он же старый!

Винсент стоял на коленях, будто паломник перед святыней.

– Говорят... в смысле, я слышала в закусочной у Розы – что тебе за эту лачугу дают целый миллион. Ну или не знаю сколько – кучу денег, в общем. А ты упираешься.

Винсент глядел куда-то мимо дома, причем так долго, что Дачесс начала подозревать – а не видит ли он там нечто ей недоступное?

– Этот дом построил мой прадед. Когда Уок привез меня... ну оттуда... – я буквально выдохнул. Не весь Кейп-Хейвен перестроили, перекроили, думаю; кое-что знакомое осталось. Я сейчас не только о курортниках, от которых плюнуть некуда; нет, не только о них... – Винсент помолчал, будто у него иссякли слова и мысли. – Тогда... давно... я не был отпетым мерзавцем. Вспоминаю и вижу: тот парень – не законченный выродок.

– То тогда, а то теперь.

– Знаешь, тюрьма гасит любой свет. А этот дом... он будто костерок. Маленький такой, слабый – а все же горит и греет. У меня другого костерка не будет. Затопчу этот – останусь в полном мраке и не увижу больше...

– Чего ты не увидишь?

– Тебе никогда не казалось, что человек глядит вроде на тебя, а будто бы сквозь?

Дачесс не стала отвечать, раскрываться перед ним. Поправила бантик, перешнуровала кроссовки.

– Как погибла Сисси?

Винсент Кинг опешил, качнулся в тень – солнце жарило теперь только одну его руку. Он прищурился, уточнил:

– А мама тебе не рассказывала?

– Мне нужна твоя версия.

– Я взял машину брата.

– А брат где был?

– На войне. Про Вьетнам знаешь?

– Да.

– Я хотел произвести впечатление на девчонку, вот и взял машину брата.

Дачесс знала также, кто была та девчонка.

– Мы покатались, я отвез ее домой, а сам поехал в Кабрильо. Знаешь, наверное, указатель на хайвее, перед поворотом?

– Ну, знаю.

– Где мне было предвидеть, что я ее собою? – Винсент теперь говорил шепотом. – Я даже скорость не сбавил.

– Что она делала одна на хайвее?

– Искала свою сестру. Твой дедушка работал иногда в ночную смену. На этой фабрике, «Тэллоу констракшн» – она

ведь никуда не делась, правда?

Дачесс пожала плечами.

– Вроде стоит пока.

– А днем он отсыпался. Следить за сестренкой должна была Стар.

– Но не следила.

– Я ей позвонил. Мы выпили по паре банок пива. Вчетвером – с нами были еще Уок и Марта Мэй. Ты знаешь Марту?

– Нет.

– Конечно, откуда тебе знать... Это я счет времени потерял. Короче, она оставила Сисси перед телевизором.

Никаких интонаций, будто Винсент Кинг повторял давно заученное, вы зубреное, может, даже записанное на пленку. Ну вот и что от него осталось – как от человека?

– Как они тебя вычислили?

– Просто Уок – при рожденный коп. Чутье у него особое, что ли. В ту же ночь он ко мне явился. Увидел вмятину на машине.

Дальше они работали в молчании. Дачесс, стиснув зубы, возила наждачкой, пока не заныло плечо.

– Тебе надо быть максимально осторожной, – произнес Винсент. – Повидал я типов вроде этого Дарка. Глаза у них... неживые. По глазам сразу все ясно.

– Я не боюсь. Я сильная.

– Знаю.

– Нет, не знаешь.

– На твоём попечении брат. Это огромная ответственность.

– Я спальню запираю, чтобы он ничего не увидел. Правда, ему многое слышно. Только он всё списывает на страшные сны.

– Разве запертому ему безопаснее?

– В спальне ничего плохого не случится. Не то что в гостиной.

Винсент Кинг не возразил. Он будто блуждал мыслями где-то далеко, будто взвешивал некое решение, отнюдь не легкое. Наконец глянул Дачесс в глаза.

– Вне закона, говоришь?

– Да.

– Подожди, я быстро. У меня для тебя кое-что есть.

Он исчез в доме, и Дачесс подумала: может, простить его? Впрочем, она и сама знала – это секундная слабость; когда Винсент Кинг вышел, Дачесс показалось, что прямо на нее движется мертвец.

– Порой такое впечатление, что она меня ненавидит.

Стар говорила, избегая смотреть Уоку в глаза. С утра она была сама умиротворенность; Уок знал, что это ненадолго.

– Ей тринадцать – этим все сказано.

Они шли как раз мимо брендоновского дома. Боковым зрением Уок уловил, как шевельнулись шторы. В следующую минуту с крыльца спустился Брендон Рок собственной персоной; плотно сжимая губы, изо всех сил стараясь не хромать, он пересек двор.

Уок поотстал. Стар вздохнула.

– Доброе утро, Стар! – Брендон расплылся в улыбке.

– Ты снова пол-улицы разбудил своей тарахтелкой. Почини уже ее, а то моя Дачесс не стерпит – сама разберется.

– Это «Мустанг» шестьдесят седьмого года выпуска...

– Да знаю я, знаю. Тачку еще твой отец купил, а ты последние двадцать лет с ней возишься. Даже в нашу газетенку пролезть умудрился со своим раритетом, чтоб его.

Действительно, на статью о раритете выделили полосу перед рубрикой «Частные объявления». Несколько абзацев было посвящено проблеме поршней, под текстом поместили фото: мелированный Брендон – губы уточкой – разлегся на капоте. Дачесс маркером зачеркала Брендонову физиономию, а газету приклеила ему на ворота.

– К Четвертому июля справлюсь, – заверил Брендон. – Кстати, не прокатишься со мной на Клируотер-Коув? Пикник бы устроили, а? «Твинкиз»¹⁵ будут обязательно – ты ведь их любишь? И курица с ананасами. У меня даже есть набор для фондю.

Соблазняя, Брендон не переставал работать гантелью. Вены на правой руке вздулись, как веревки.

– Да не хочу я с тобой встречаться! Со старшей школы меня окучиваешь – и как не надоест?

– Придет день, и я к тебе остыну, Стар.

– Это бы обещание – да в письменном виде.

Стар взяла Уока за руку, они пошли дальше.

– Нет, ну правда, Уок! Этот Брендон – он себя до сих пор старшекласником воображает.

– И не может пережить, что ты предпочла ему Винсента.

Они дошагали до последнего дома на Айви-Ранч-роуд. Уок оглянулся – Брендон Рок всё стоял в воротах. Наверняка спины их глазами буравил.

Уок и Стар гуляли не просто так. Вот уже почти десять лет это был их ритуал. Уок приезжал в понедельник утром, выводил Стар из дому, говорил с ней. Не бог весть что; но порой ему казалось, что Стар без этих прогулок и бесед пропадет. Психотерапевт – сам по себе; ему всего не расскажешь. А Уоку – пожалуйста.

¹⁵ «Твинкиз» – бисквитные трубочки с начинкой, как правило, из ванильного крема.

– Ну и как он?

– В порядке.

Стар прищурилась.

– И что, блин, это значит – в порядке? Давай выкладывай, не юли.

– Я слышал, что тут у тебя произошло. В смысле, ночью.

– А, ну да. Явился благородный рыцарь, мать его... Так вот: всё под контролем. Винсенту Кингу не обязательно меня пасти. И разруливать за мной тоже не обязательно. Не нуждаюсь.

– Раньше он разруливал. И за тобой, и за мной. Помнишь, Джонсон-младший меня обвинил – якобы я угнал его велик?

Стар засмеялась.

– Будто ты способен взять чужое!

– Джонсон-младший был тот еще верзила.

– Винсент верзил не боялся. Те, кто привык брать нахрапом, этого не видели – я говорю про внутренний стержень. О нем знали только мы. А как Сисси была к нему привязана! Сидим, например, мы с Винсентом на диване – а она придет, втиснется между нами – и рада. Винсент с ней играл. Она для него картинки рисовала, и он их домой забирал. Хранил, как что-то ценное.

– Да, я помню.

– Ты, Уок, все помнишь.

– Зачем ты водишься с Дарком? Он мутный тип.

– Это не то, что тебе кажется. И вообще, я сама виновата.

Скандал заката... Всё, проехали. Сегодня у меня вечерняя смена в клубе Дарка.

У поворота на Сансет-роуд Уок намеренно замедлил шаги. Стар стрельнула глазами на дом Винсента. Уок думал, она в ту сторону и направится; ждал. Но Стар пошла прямо к пляжу. Мимо проносились автомобили. Показался внедорожник; за рулем сидел Эд Тэллоу. Уок замахал ему – никакой реакции. Взгляд Эда Тэллоу был прикован к Стар.

Уок ослабил узел галстука. Стар сбросила сандалии и побежала к воде. Уок двинулся за ней, сразу начерпав туфлями песка. Узкие пятки так и мелькали перед ним, Стар смешно подпрыгивала – песок был раскаленный. Вот она в полосе прибоя, стоит в воде по щиколотку, а Уок пробирается к ней, пыхтя и отдуваясь.

Они пошли берегом – Стар, босая, по воде, Уок, обутый, посуху.

– Я не справляюсь, Уок.

– Ну что ты! Вовсе ты не...

– Оставь, не утешай. Все женщины заточены на материнство, а мне даже этого не дано – сама знаю.

– Дачесс любит тебя. С ней непросто – характер; но я же вижу, как она беспокоится о тебе. А Робин...

– С Робинем никаких проблем. Он... он лучшее, что я в жизни сумела. Мой принц.

Они уселись на песке.

– Тридцать лет, Уок. Тридцать лет отсидеть, а потом

блямс – и ты снова в том же самом городе. Сколько я о нем думала, о Винсенте! Все эти годы он из моих мыслей не шел, честно. Тебе это по нраву, я знаю, – когда есть с кем поговорить о нем. Будто мы – прежние.

Спину жарило, меж лопаток струился пот.

– Легко живешь, Стар. Напиться, таблеток наглотаться, на пороге смерти постоять – с тебя как с гуся вода. Ведешь себя, словно ничего не изменилось – резвишься, болтаешь...

– Зато на тебе проклятие. Патологическая честность, вот я о чем. Взвалил на себя чужой груз и тащишь, будто так и надо. Дачесс меня в грош не ставит, а ты для нее – образец для подражания.

– Ничего подобного.

– Ты для моей дочери – символ добра. Герой, без которого и жизнь – не жизнь. Который не лжет, не юлит, не пакостит. Девочке без такого героя нельзя. Дачесс не говорит об этом, но я-то знаю: ты ей необходим. Смотри не подведи мою дочь, потому что тогда для нее свет погаснет.

– У тебя и у самой получится. Дачесс будет равняться на родную мать.

Стар провела ладонью по песку,хватила горсть, стала смотреть, как песчинки текут сквозь пальцы.

– Чушь. Как мне перестать быть собой? Нереально же.

– Поговори с ним.

– Простить его, что ли?

– Я этого не предлагал.

– Каждый раз, когда я оступалась или падала – именно его вспоминала. На то, чтобы принять его обратно в свою жизнь, у меня просто нет сил. Вдобавок речь идет не только о моей жизни.

– Винсент лучше, чем Дикки Дарк.

– Твою мать, Уок! Ты как дитя малое: этот лучше, тот хуже... Этот хороший, тот плохой... Будто люди – однородные. Каждый из нас – этакий набор, коллекция самых дрянных и самых добрых поступков. Винсент Кинг – убийца; он убил мою сестру. – В голосе послышались близкие слезы. – Марта вот взяла и уехала – молодец, не то что я.

– Ты под моей защитой. И твои дети тоже.

Стар сжала его ладонь.

– Потому-то я тебя и люблю. Ты мой самый-самый лучший друг. А вообще мы все – часть грандиозного замысла. У Вселенной свои планы, ничто просто так не происходит. Есть причина, есть следствие.

– Неужели ты в это веришь?

– Космические силы всегда в итоге уравнивают добро и зло. – Стар поднялась, отряхнулась от песка. – Передай ему, если спросит, что я его давным-давно из своей жизни вычеркнула. И больше о нем не упоминай, слышишь? Для меня сейчас главное – Дачесс и Робин. И я в лепешку расшибусь, а докажу им обоим, что так оно и есть.

Уок проводил Стар взглядом, перевел глаза на океан. Все это он уже слышал, и не раз. Оставалось уповать, что сегодня

Стар не просто сыпала привычными фразами.

* * *

В полночь что-то грохотнуло снаружи; через несколько секунд по стене полоснули фары, выхватив из мрака шкаф без дверцы, туалетный столик с перекошенным ящичком.

Сами стены – голые; ни постеров, ни рисунков, ни единого признака, что здесь живет девочка тринадцати лет. Нейлоновой половик, затертый донельзя; под ним нет даже линолеума – просто доски. И узкая кровать рядом с кроватью Робина – место, где Дачесс мучают то сны, то боязнь уснуть.

Робин ни на шум, ни на свет не отреагировал. В ночной духоте он раскрылся, разметался. Волосы чуть взмокли. Дачесс заперла спальню, прокралась в прихожую, набросила дверную цепочку и выглянула.

Стар лежала ничком на пожухлой траве.

Дачесс открыла дверь, скользнула с крыльца.

Успела заметить, как в конце Айви-Ранч-роуд мигнули хвостовые огни «Эскалейда».

Перевернула мать с живота на спину, потянула задранную юбку вниз, позвала:

– Стар.

Увидела: глаз подбит, губа припухла – тонкая кожа вот-вот лопнет, кровь пойдет.

– Стар, очнись.

В доме напротив шевельнулись шторы, мелькнул мужской силуэт. Мясник. Вечно он подсматривает. Поодаль, у Брендона Рока, стал мигать сигнальный фонарь. По брезенту на бесценном «Мустанге» замечались световые пятна.

– Ну вставай же! – Дачесс хлопнула мать по щеке.

Долгих десять минут, пока Стар очнулась. Еще десять, чтобы довести ее до крыльца и перетащить через порог. В прихожей Стар начало рвать. Корячило, сотрясало, будто она выблевывала свою угольно-черную душу.

Дачесс довела ее до кровати, уложила на живот. Так надо – на случай повторной рвоты. Сняла с матери туфли на шпильках, распахнула окно, чтобы выгнать вонь – сигаретный дым и приторные алкогольные пары, усугубленные парфюмом. Случалось, мать будила Дачесс, возвращаясь после вечерней смены в клубе Дарка; не могла тихо войти. Но избили ее впервые.

Дачесс вышла в кухню, набрала полное ведро воды. Подтерла блевотину, чтобы Робин утром не увидел. Вымылась. Надела джинсы и кроссовки.

Робин сидел на кровати столбиком, таращился в темноту. Дачесс уложила его, дождалась, пока он уснет, заперла спальню изнутри и через окно выбралась во двор.

Со всеми предосторожностями она катила по спящему городу. На Мейн-стрит вырулить не решилась, на Сансет-роуд – тоже: там нередко дежурил Уок. Ехала переулками, думала про Уока и Стар – как они смягчают алкоголем острые

углы бытия.

За полчаса Дачесс отмахала целую милю до поворота на Кабрильо. Мышцы бедер горели.

Впереди замаячил тот самый клуб, «Восьмерка». Про него всем ребятам было известно, ну и Дачесс тоже. Каждые несколько лет, во время праймериз, кандидаты в мэры сулили, по просьбам местных жителей, закрыть проклятую «Восьмерку».

Ночь на понедельник, предсказуемо пустая парковка. Само заведение тоже пустое, окна темные. Несколько фонарей льют мертвенный неоновый свет на выбоины в гравийном покрытии.

Городок Кабрильо растянулся над обрывом. Дачесс видела, как густо и масляно блестит ночной океан, как топорщатся скалы, как машет роща; казалось, именно деревья гонят в сторону Дачесс прохладный бриз, причем прямо от той грани, за которой ничего уже нет. Дачесс – одна в мире, ибо и хайвей, и океан – необитаемы. Она соскочила с велосипеда, не озаботившись придержать его, чтобы упал не так резко. Прошла по парковке, подергала тяжелую деревянную дверь. Разумеется, заперто. Оконные стекла затонированы, сбоку пленка облупилась. Реклама обещает «счастливые часы с двух до семи»; ну и кем надо быть, чтобы в грош не ставить утреннее солнце, выявляющее каждый грех?

Неоновая трубка, на вывеске – нижняя часть женского тела, задница и ноги в профиль. Сейчас их почти не различить,

огни-то не горят. Дачесс нашарила камень, метнула. Трещина на стекле, второй камень вслед за первым. Стекло разбилось. Секундная глухота, отсроченный вдох. И ступор – ровно до того мгновения, когда завывла сигнализация. Вой заставил Дачесс ускориться. В рюкзаке у нее был блок спичек. Она шагнула в оконную раму. Не ойкнула, задев рукой стеклянный клык; не обратила внимания на разодранную кожу. У нее была цель. Вот они, гримерки – зеркала, возвращающие парковочный свет, табуреты, пудра, помада, «сценические костюмы», о существовании которых Дачесс только догадывалась, да и то смутно. Запах пота, замаскированный санитайзером.

Два ряда шкафчиков, на каждом фотография. Одинаковая мимика – губы уточкой; одинаковые прически – волосы откинuty назад. Имена, ассоциирующиеся с невинностью и чистотой. Дачесс шагнула в сторону, угодила рукой в кучу тряпья – корсеты, перья какие-то...

Из гримерок она вышла собственно в зал, прямо к бару, где бокалы и бутылки множились в зеркальной стене. Взяла бутылку «Курвуазье», открыла, облила кожаный диванчик. Достала спички, подожгла сразу весь блок, швырнула в кабинку, уставилась на гипнотическое голубое пламя.

Дачесс очнулась, лишь когда ей сдавило грудную клетку. Пока жар пыхал в лицо, она, замороженная, его не ощущала; а тут закашлялась, отшатнулась, внезапно вспомнила, что рука рассечена до крови. Зажимая рану ладонью, Дачесс пя-

тилась, натыкалась на столы и стулья, но взгляд оставался прикован к огню, к яростной его пляске.

Она спохватилась лишь у дверей.

Бросилась обратно, прямо в густой дым; натянула футболку на рот и нос. Распахивала двери одну за другой, пока не оказалась в кабинете. Стол красного дерева, отделанный зеленой кожей; бар, только поменьше того, в главном зале; хрустальные бокалы, коробка сигар. Экран видеонаблюдения, под ним дверца. Дачесс открыла ее, выдернула пленку, сунула в рюкзак.

Теперь – к выходу. Она пробиралась, согнувшись пополам; огонь дышал ей в спину.

Вырвалась. Долго хватала ртом ночной воздух. Отдышавшись, вскочила на велосипед. На ее футболке среди звезд улыбался полумесяц. Позади трещал, выгорая и рушась, мерзкий притон. Вскоре к этим звукам прибавился вой сирены – пожарные наконец-то отреагировали.

Дачесс изо всех сил крутила педали. Промчалась главной улицей Кабрильо – путь шел вниз по склону; а дальше пришлось подниматься в гору. Ей встретился случайный автомобиль; она втянула голову в плечи и при первой возможности свернула с хайвея. До Кейп-Хейвена добиралась уже тропой, полускрытой в роще. По Сансет-роуд проехала совсем немного, почти сразу срезала, вырулила на Фортуна-авеню. Остановилась, увидев гору хлама. Ветхий приставной столик, коробки, пакеты – утром их заберет мусоровоз. Спрыг-

нула на землю – велик упал, звякнув, – бегом пересекла улицу и запихнула пленку в полиэтиленовый мешок.

Замела следы. Потому что она не дура какая-нибудь.

Вот и ее улица, ее дом. Как могла тихо, Дачесс вкатила велосипед во двор, прислонила к стене, через окно забралась в спальню. Мать и брат ее не слышали. Она скользнула в ванную, разделась, даже не взглянув на свой порез. Голая прокралась к стиральной машине, загрузила вещи и села ждать. Лишь когда машина, покончив со стиркой, отключилась, Дачесс залезла в ванну и пустила воду, тщательно намылилась и окатилась из душа. Настало время заняться порезом. Перед зеркалом Дачесс извлекла осколок в полдюйма длиной. Потекла кровь – та же, что кипела в жилах ее необузданных предков.

Семья Рэдли была не из тех, где отводят под лекарства целый шкафчик или хотя бы держат аптечку; и всё-таки Дачесс отыскала набор детских пластырей с картинками (она сама их купила в прошлом году), выбрала самый большой, заклеила рану. На ее глазах пластырь окрасился алым.

Она легла в изножье Робиновой кровати; свернулась по-кошачьи и стала ждать, когда придет сон. Так и не дождалась.

Забрезжил рассвет. Огненная ночь позади, думала Дачесс; а дальше-то что?

Ничего хорошего – это ясно.

Она стала клясть себя – не выбирая слов, не ведая снисхождения.

Уок нашел его на краю обрыва.

Раньше там был забор, недавно обрушился целым пролетом. Винсент стоял так, что земли касались только пятки. От малейшего ветерка он мог рухнуть вниз, в этих своих джинсах и старой футболке. А высота, между прочим, футов сто. Усталость заволокла его глаза. Тоже, значит, ночь не спал – как и сам Уок. Его подняли по тревоге во втором часу. Сигнал поступил из клуба «Восьмерка». Уок живо влез в полицейскую форму и помчался на место происшествия. Пожар было видно за милю – все небо красное; ни дать ни взять салют в честь недавнего Дня независимости. Уок вел машину прямо на огонь и на шум, к самому пеклу. Припарковался за две улицы. Транспорт не скапливался – у людей хватало ума не загромождать себе пути к отступлению.

Дарк стоял поодаль от толпы любопытных. Дымовой столб взметнулся, окрасил небо серым. У Дарка в лице ни один мускул не дрогнул...

– Поддай-ка ты назад, Вин. А то на тебя глядеть как-то некомфортно.

Вместе они прошли к дому, в тень стены.

– Ты молился, что ли? Я думал, тебе взбрело с обрыва сигануть.

– А она есть вообще – разница между молитвой и жела-

нием?

Уок снял фуражку.

– Желание загадываешь, когда чего-то хочешь. А молишься о том, что необходимо.

– В моем случае это одно и то же.

Они устроились на заднем крыльце. Свеженькие доски лежали штабелем. Жизни едва ли хватит, чтобы восстановить кинговский дом.

– Вин, ты знаешь этого парня – Дикки Дарка?

– Я здесь никого толком не знаю.

Уок молчал – не хотелось давить.

– Этот Дарк буянил в доме Рэдли. Я вступился за девочку и за Стар. Больше некому было.

Уоку в упрек, не иначе. Ладно.

– Стар говорит, они просто друзья. Заявлять в полицию отказалась.

– Друзья; ну-ну...

Опять эта нотка – и теперь она Уоку не мерещится. Винсент до сих пор не остыл к Стар.

– Сегодня ночью у Дикки Дарка сгорела недвижимость.

Винсент молчал.

– Клуб в Кабрильо. Золотое дно. Дарк упомянул тебя, вот мне и пришлось...

– Я все понимаю, Уок. Незачем оправдываться.

Уок погладил перила.

– Значит, сегодняшнюю ночь ты провел дома.

– Полагаю, у парня вроде Дарка хватает недоброжелателей.

– А я, кажется, знаю, с кем надо провести беседу.

Винсент отвернулся.

– Поступил звонок. Один автолюбитель видел ночью девочку-подростка. На велосипеде по хайвею ехала.

– А нельзя спустить дело на тормозах? В смысле, я понимаю, что говорю. Не мне вмешиваться, но ты сам подумай: она ведь ребенок. И не чей-нибудь, а Стар.

– Ты прав. Кстати, у поджигателя, кем бы он ни был, хватило мозгов забрать пленку с записью видеонаблюдения. Так что, если поджигатель затаится...

– Ясно.

Вот так вот. Винсент больше ничего не сказал, Уок не попытывался. Беседу он запротоколировал – так положено. Выполнил свою работу. И впредь будет выполнять.

Оставив Винсента, он занялся патрулированием улиц. Детей Рэдли обнаружил на Сэйер-стрит. Смекнул, что Дачесс выбрала путь, максимально удаленный от центра; кружной. Робин шел впереди, почти бежал вприпрыжку, но поминутно оглядывался – не остался ли он в одиночестве? Дачесс, по своему обыкновению, двигалась, наострив ушки, будто каждую секунду ждала подвоха. Тем удивительнее, что, обернувшись на шум двигателя, она явила Уоку ровно ту же невозмутимость, какую он недавно наблюдал в Винсенте.

Уок заглушил двигатель, выбрался из машины. Солнце

сверкнуло на сайдинговой отделке ближайшего к нему коттеджа. Сегодня руки не тряслись – еще бы, такая доза допамина, вдобавок «на новенького». Передышка, он знал, продлится недолго.

– Доброе утро, Дачесс.

И у нее тоже красные глаза, тяжелые веки. Два рюкзака – собственный и Робина. Джинсы, старые кроссовки, футболка с дырочкой на рукаве. Волосы, белокурые, как у матери, растрепаны, а бантик на месте. До чего же она хорошенькая... Ребята ходили бы за ней целой свитой – если б им (как, впрочем, и всему городу) не было известно про ее семью.

– Уже знаешь о клубе Дикки Дарка?

Уок вглядывался Дачесс в лицо – не выдаст ли она себя? Слава богу, не выдала. Пусть и дальше держится, пусть отвечает так, как ему, Уоку, надо.

– Сегодня ночью клуб сгорел. Примерно в это же время какая-то девочка ехала по хайвею на велосипеде; есть свидетель. Слышала об этом?

– Нет.

– Это ведь не ты была?

– Ночь я провела дома. Хоть маму мою спроси.

Ладони Уока сами легли на тугий живот.

– В последние годы я не раз тебя прикрывал. Все время думал: а правильно ли поступаю? Когда тебя ловили на кражах...

Дачесс сникла.

– Я только еду таскала. Это мелочи.

– Зато пожар – не мелочь. Во-первых, речь идет о больших деньгах. Во-вторых, будь внутри люди, они бы погибли. Тут мне тебя не отмазать, Дачесс.

Мимо проехала машина. Старик-сосед; быстрый взгляд на эту парочку, потеря интереса. Ничего особенного: девчонка Рэдли снова вляпалась.

– Я знаю, Дачесс, что за тип этот Дарк.

Обеими ладонями она потеряла глаза. Ясно: не просто устала – измождена. И нервное напряжение не скрыть.

– Ни хрена ты не знаешь, Уок.

Произнесено это было тихо и даже спокойно – а по сердцу резануло.

– Давай дуй на Мейн-стрит. Карауль одних сучек, пока другие шопингом занимаются.

Уок не нашелся с ответом. Опустил глаза, принялся тереть полицейский жетон. Уволят – и пусть. Переживет.

Дачесс резко развернулась и зашагала прочь. Ни разу назад не глянула. Только страх разлуки с братом ее в рамках и удерживает, думал Уок; не будь у Дачесс Робина, он, Уок, разрывался бы между профессиональным долгом и жалостью к этой девочке.

* * *

«Эскалейд» стоит возле школы; тонированные стекла от-

граничивают тот мир от этого, двигатель работает вхолостую – просеивает версии. Глазам больно от желтых, как подсолнухи, школьных автобусов.

Дачесс не удивилась. Наслушалась от матери про космическое равновесие, причины и следствия. Помахала Робину, проводила его взглядом. Брат скрылся за красными дверьми.

Для Дачесс пожар не кончился: вспархивали ключья сажи, чиркали ее по голым рукам, марая кожу; в носу держался запах гари. Какого, блин, свидетеля вынесло на хайвей ночью, когда добропорядочным, не запятнанным правонарушителями гражданам полагается сладко спать в своих постельках? Западло, вот это что. С другой стороны – и фиг с ним. Главное, Дикки Дарк получил по заслугам.

Дачесс пересекла улицу и направилась к школе. Там безопасно, учителя и охранник не пропустят посторонних. Ей не страшно, она пройдет рядом с «Эскалейдом», мимо темного окна.

Стекло поползло вниз. Физиономия Дарка, красные глаза, набрякшие веки – ни дать ни взять утопленник. Только плоть утопленников набухает водой, а у Дарка набухла алчностью.

Дачесс застыла на месте. Коленки колотились одна о другую – наверное, заметно, хоть она и в джинсах; зато взгляд твердый. Дачесс этим взглядом буквально пронзила Дарка.

– Садись в машину, – велел Дарк, без злобы, не повысив голоса.

– Пошел ты.

Пробежала мимо стайка одноклассников. Не заметили Дачесс – до нее ли им в последнюю школьную неделю? Они уже всеми мыслями на каникулах. Может, и неплохо было бы меньше выделяться, иногда думала Дачесс. Индивидуальность у нее? Допустим; а велика ли польза?

– Заглуши двигатель и вынь ключ зажигания.

Дарк повиновался.

Дачесс обошла машину.

– Дверь пусть будет открыта.

Он вцепился в руль толстыми своими пальцами. Ишь, косячки какие – и кастет не нужен.

– Отпираться бесполезно, Дачесс.

Она глядела в небо.

– Я не отпираюсь.

– Ты слышала о причинно-следственных связях?

Дачесс покосилась на него. Печальный гигант-броненосец, существо из другого мира.

– Только сунься.

– Ты сама не представляешь, что натворила.

В пепельнице был единственный бычок – смятый, докуренный до самого фильтра. И той марки, которую всегда покупала Стар.

– А ты на свою мать не похожа.

Дачесс глядела в небо. Там, раскинув крылья, замерла птица.

Дарк почесал ладонь о руль.

– Стар задолжала арендную плату. Для нее есть решение.

Я прощу долг за услугу.

– Моя мать – не проститутка.

– А я, по-твоему, сутенер?

– Нет. Ты, по-моему, просто сука.

Слово повисло между ними.

– Вот как. Ладно. Только имей в виду: может, я и не похож на мужчину – но я мужчина.

Фраза получилась как будто сплюснутая, но Дачесс холодом обдало.

– Сегодня ночью ты кое-что у меня отняла.

– Еще достаточно осталось.

– Достаточно – понятие относительное. Смотря для чего.

Дачесс сверкнула глазами.

– Твоя мать, если б согласилась, отчасти компенсировала бы ущерб. Поговори с ней.

– Пошел ты, Дарк.

– Дачесс, мне нужна пленка с записью видеонаблюдения.

– Зачем?

– Знаешь, что такое «Трентон Севен»?

– Страховая контора. Я рекламу видела.

– Клуб был застрахован, но они отказываются платить, пока не изучат видеозапись. Думают, я имею отношение к пожару.

– Так и есть.

Дарк глубоко вдохнул.

Дачесс стиснула зубы.

– Не надейся, что я про это забуду.

Дачесс встретила его взгляд и не опустила глаз.

– На то и расчет, чтоб ты помнил.

– Не хочется, ох как не хочется применять к тебе особые

методы...

Прозвучало это так, что Дачесс поверила в его нежелание.

– Но ты все равно применишь.

– Да.

Он вытянул ручищу, едва не коснувшись Дачесс, порылся в бардачке, извлек солнечные очки. Захлопнул крышку не прежде, чем на Дачесс зыркнуло пистолетное дуло.

– Даю тебе один день. Расскажи матери, что натворила.

Расклад такой: или она соглашается на мои условия, или вам с ней пенять на себя. И еще ты вернешь мне пленку.

– Ты ж ее Уоку отдашь.

– Нет.

– Страховые компании всегда сотрудничают с полицией.

– Верно. Только ты должна решить для себя кое-что, Дачесс.

– Что именно, Дик?

Теперь он наверняка уловил дрожь в ее голосе.

– Что, по-твоему, хуже – с полицией дело иметь или со мной?

– Говорят, ты одного человека насмерть затоптал.

– Врут. Он жив.

– За что ты его?

– Просто бизнес.

– Пленку я пока у себя подержу.

Дарк уставился на нее этими своими бездонными, как два провала, глазами.

– Не суйся к моей матери, понял? Тогда, может, и пленку обратно получишь.

Дачесс вылезла из машины, но не ушла сразу. Дарк смотрел на нее, вбирал взглядом каждую подробность. Впечатывал в память ее облик. Уже поднимаясь на школьное крыльцо, Дачесс пыталась угадать, что конкретно он увидел. Мимо спешили ребята – их беззаботность вызывала головокружение.

Время еле ползло. Дачесс то косилась на часы, то отворачивалась к окну. Объяснения учителя не достигали ее ушей. Сэндвич она съела в одиночестве. Наблюдала за Робинотом, почти слыша легкий шорох песчинок – это утекал сквозь пальцы ее мнимый контроль над ситуацией. Страшно представить, на что способен Дарк. Нужно добыть пленку. Дарк не отдаст ее Уоку; он обещал, и у Дачесс все причины верить ему. Люди делятся на две категории – те, кто обращается в полицию, и те, кто этого не делает.

Прозвенел звонок, ребята заторопились вон из класса. Мальчишки вздумали сыграть в мяч, определить перед каникулами, за кем же первенство. В компании своих подлипат продефилировала Кэссиди Эванс.

Дачесс обогнула главный корпус, бегом бросилась к парковке, затерялась среди «Фордов», «Вольво» и «Ниссанов». Ее заметят, это как пить дать. Она выкрутится – скажет матери, что живот заболел – ничего страшного, «критические дни». Школьная администрация спустит прогул на тормозах.

Она удалялась от школы – ей смотрели вслед, буравя спину взглядами. Дачесс выбрала кружной путь – на Мейн-стрит нельзя, там полицейский участок, там Уок. Проклятая жара, просто нечем дышать. Руки-ноги липкие от пота, футболку хоть выжимай.

Фортуна-авеню, старый дом. Вот когда порадуешься, что не хватило времени уничтожить пленку.

Хлама во дворе уже нет – мусоровоз приезжал.

Значит, на пленке можно ставить жирный крест.

Тяжело дыша, Дачесс озиралась, будто на Фортуна-авеню еще мог мелькнуть хвост предательницы-надежды.

Выдохнула и побрела на пляж. До вечера сидела на песке, не отрывая взгляда от океанских волн. Хваталась за живот – взаправду разболелся, начались спазмы, Дачесс еле доплелась до садика Робина.

На обратном пути брат болтал без умолку: завтра у него день рождения, целых шесть лет – он теперь совсем большой, ему полагается ключ от дома. Дачесс улыбнулась, потрепала его по волосам. Мыслями она блуждала далеко – в таких краях, куда Робину не дай бог за ней последовать. Матери дома не было. Дачесс поджарила яичницу, и они поели,

усевшись перед телевизором. Спустились сумерки. Она уложила брата в постель и почитала ему на сон грядущий.

– А зеленую яичницу¹⁶ ты приготовишь, Дачесс?

– Обязательно.

– С ветчиной?

Дачесс поцеловала его и щелкнула выключателем. Закрывает глаза – вроде всего на секундочку. Очнулась в полной темноте. Вышла из спальни, зажгла лампу. Снаружи доносилось пение.

Стар обнаружилась на террасе, на облупленной скамейке; вся залитая лунным светом, она играла на издававшей звуки гитаре и пела любимую песню Дачесс. Прикрыв глаза, та слушала. Каждое слово было как алмаз с острыми гранями.

Надо сознаться матери. Рассказать, что наделала. Сожгла единственный мост, на котором они спасались от бушующих волн. Пока – штиль и воды по колено; однако вал неминуемо нахлынет, утащит их в пучину, куда и лунным лучам не проникнуть, не нашарить их, обреченных.

Босиком, не боясь занозить пятки, Дачесс приблизилась к матери.

Ручеек аккордов все струился.

– Спой со мной.

– Нет.

¹⁶ Вероятно, Дачесс читала брату стихотворение «Зеленая яичница с ветчиной» (англ. Green Eggs and Ham) детского писателя Доктора Сьюза (наст. Теодор Сьюз Гейзель).

Дачесс села рядом, долго возилась, устраивая голову на материнском плече. Мало ли, что она натворила; без мамы каждому плохо – даже тому, кто вне закона.

– Почему ты плачешь, когда поёшь?

– Прости.

– За что? За слезы?

– Я звонила этому, у которого студия звукозаписи. Оказалось, он хотел со мной выпить.

– И ты пошла?

Стар, помедлив, кивнула.

– Таковы мужчины.

– Что было вчера вечером?

Обычно Дачесс не спрашивала, но в этот раз ей требовалась ясность.

– Некоторые люди от алкоголя звереют. – Стар покосилась на соседний дом.

– Это Брендон Рок тебя избил?

– Все вышло случайно.

– Для него твое «нет» – пустой звук, да?

Стар качнула головой.

Дачесс этого не видела – она смотрела вверх, на древесные кроны, царапавшие небо.

– Выходит, на этот раз Дарк не виноват?

– Последнее, что я помню, – это как он помогал мне сесть в машину.

Осознание было как ледяной душ. На несколько минут

Дачесс лишилась дара речи. И вдруг представила, как Дарк лапает ее мать. Упрямо стиснула зубы. Все равно – поделом Дарку.

– Завтра у Робина день рождения – помнишь?

Стар сникла. Вид у нее был прежалкий: припухлость на губе нисколько не сдулась, фингал не побледнел. С таким лицом, если в зеркало посмотреться, еще большее станет. А подарка Робину она не приготовила. Забыла.

– Мама, я сделала кое-что плохое.

– С каждым случается.

– В смысле, непоправимое.

Стар закрыла глаза, снова запела. Дачесс прильнула к ней, стараясь не наваливаться всем весом, не мешать.

Она бы с радостью подхватила песню, если бы была уверена, что голос не дрогнет.

– Не бойся, я сумею тебя защитить. Для этого матери и существуют.

Дачесс не заплакала, хотя слезы были как никогда близко.

Бесчестье падения Уок пережил без свидетелей.

И на том спасибо. Шагал себе, все было нормально – и вдруг опрокинулся на спину, будто жук. Левая нога подвела. Просто взяла и отказала.

И вот он сидит в машине на больничной парковке. Приехал еще днем, но в «Ванкур-Хилл» так и не вошел. Кендрик предупреждала о проблемах с равновесием, но чтобы совсем потерять контроль, брякнуться всем прикладом? Это страшно.

Мурлычет рация. Сигналы несерьезные: «Бронсон: 2–11», «Сан-Луис: 11–45»¹⁷. В руке стаканчик кофе из закусочной Розы, на сиденье – обертка от бургера. Рубашка расходится на животе – прикрыть живот рукой. Вялое дежурство выдалось. Вечером, пока было еще светло, Уок проехал мимо кинговского дома. Винсент, похоже, весь в работе. Ставни снял – видно, будет ошкуривать и заново красить.

Уок обшаривал взглядом ночное небо, но мысли возвращались к болезни. Она оккупировала тело, проникла в кости, в кровь, в мозг. Синапсы вялые – информацию вроде и не теряют, но доставляют с изрядной задержкой.

Он задремал, чтобы за несколько минут до полуночи быть разбуженным очередным сигналом.

¹⁷ Соответственно, «ограбление» и «подозрительный автомобиль».

Сигнал поступил с Айви-Ранч-роуд.

Уок облизнул пересохшие губы.

Сигнал повторился.

Уок завел двигатель, прорезал фарами ночную тьму. Помчался в Кейп-Хейвен. Звонивший не сообщил никаких подробностей, просил только приехать без промедления. Оставалось молить судьбу, чтобы закончилось пустяками. Может, так и будет. Может, просто Стар опять напилась.

С Эддисон-стрит он вырулил на тихую, сонную Мейн-стрит. В этой ее части даже фонари не горели.

Выезжая на Айви-Ранч-роуд, сбавил скорость. Выдохнул, не заметив ничего подозрительного – ни скопления людей и машин, ни света в окнах.

Припарковался, все еще сравнительно спокойный, у дома Рэдли. И вдруг увидел: парадная дверь распахнута. Заныло под ложечкой, в легких иссяк воздух. Уок выбрался из машины, расстегнул кобуру. Применять табельное оружие ему еще не доводилось.

Он взглянул на дом Брендона Рока, затем – на дом Милтона. Никаких признаков жизни. Истошно крикнул сыч. Урна опрокинута – не иначе, еноты нашкодили. Одним прыжком преодолев ступени крыльца, Уок ворвался в дом.

Прихожая; тумбочка с телефонным справочником. Несколько пар кроссовок; поставлены не в ряд, а как попало. На стенах рисунки Робина – Дачесс заботу проявляет.

Зеркало со знакомой трещиной отразило его глаза, полу-

безумные от ужаса. Уок крепче стиснул револьвер, мысленно плюнув на безопасность. Хотел крикнуть – и передумал.

Двинулся коридором, миновал две спальни. В обеих двери открыты, валяется неприбранная одежда. В одной спальне к тому же опрокинут туалетный столик.

Ванная. Кран не прикручен, вода уже переполнила раковину и льется на пол. Уок шагнул в лужу, закрыл кран.

Кухня. Ничего подозрительного. Стрелка часов, будто вспоровшая тишину. Тем не менее Уок не прошел мимо, все осмотрел. Привычный беспорядок. Столовый нож, горка грязных тарелок в раковине. Дачесс утром обязательно вымоет.

Странно, что Уок не сразу его заметил. Он сидел, вытянув руки на узкой столешнице ладонями вверх, как бы говоря: вот, я безоружен, я не опасен.

– Иди в гостиную, Уок, – произнес Винсент.

Горячий, липкий от пота лоб; ствол, нацеленный на друга детства. Осознание ситуации не заставило Уока опустить оружие. Им управлял адреналин.

– Что ты наделал?

– Поздно, Уок. Уже ничего не исправишь. Иди в гостиную, позвони кому следует. Я буду здесь, с места не сдвинусь.

Рука с револьвером дрогнула.

– Следует надеть на меня наручники – или забыл? Действуй по протоколу. Брось их мне – я сам застегну.

Во рту пересохло, язык не ворочался.

– Я не...

– Давайте наручники, инспектор Уокер.

Инспектор. Ну правильно, он же коп. Уок нашарил наручники, прикрепленные к ремню, отцепил, бросил на кухонный стол.

Шаг – из кухни, другой – через прихожую.

Глаза щиплет от пота.

Сцена открылась с порога – сразу вся, в деталях.

– Твою мать, Стар. – Сделать еще несколько шагов, бухнуться на колени. – Господи боже, Стар...

Она была распростерта на полу. Целую минуту он надеялся, что это – последствия очередного эксперимента на себе. А потом заметил главное – и отшатнулся, едва удержавшись в вертикальном положении, и опять выругался.

Кровь. Всюду и в таком количестве, что пальцы сначала скользили по кнопкам рации, а потом стали к ним липнуть. – Господи...

Уок ощупывал ее тело – куда она ранена? Наконец нашел – не рану даже, а дыру, взорванную плоть точнехонько над сердцем.

Откинул ей волосы со лба. Лицо было бледное, потустороннее. Стал щупать пульс; понятно, не нашупал, но все равно взялся реанимировать Стар. Ритмично надавливая на грудную клетку, косился по сторонам: сбитый со стены светильник, фотография на полу, опрокинутая этажерка.

Брызги крови на обоях.

– Дачесс! – позвал Уок.

Обливаясь потом, продолжил делать непрямой массаж сердца. Руки и плечи ныли от усилий.

Примчались полицейские и «Скорая». Уока оттащили от Стар. Ясно было, что она мертва.

Крик из кухни: «Лечь! Руки за голову!». Через минуту вывели Винсента.

Сама Земля, казалось, вращается теперь в другую сторону. Спотыкаясь, Уок вышел на крыльцо. К дому спешили соседи. Сидя на ступенях, Уок делал судорожные глотки воздуха, красно-синего от мигалок, тер темя и глаза, несколько раз ударил себя в грудь кулаком – не мог поверить, что все происходит наяву.

Винсента повели к фургону. Уок рванулся следом, но сразу запыхался. Колени подкосились, он упал. Цепочка прожитых лет рассыпалась на звенья.

Полицейское подразделение, вызванное Уоком, работало слаженно. Появилась черно-желтая оградительная лента, зеваки были оттеснены, да и сам Уок – тоже. Автомобиль местного телеканала, прожекторы, репортеры. Подкатил фургон с техническим оснащением – чуть ли не на тротуар въехал. Ну правильно. Здесь – место преступления, у копов всё под контролем.

Всё, да не всё. В доме какой-то шум.

Уок с усилием встал, поднырнул под оградительную ленту, шагнул через порог. Увидел Бойда – главного по делам

штата – и двух парней из округа Сатлер.

– Что здесь происходит?

Один из этих, сатлерских, смерил Уока тяжелым взглядом.

– Ребенка обнаружили.

Снова эффект ватных коленей. Уок прислонился к стене. От предчувствия потемнело в глазах.

Бойд жестом велел сатлерским расступиться.

Робин, закутанный в одеяло, переминался на полу, щурясь на чужих.

– Он не ранен? – спросил Уок.

Ему достался пронзительный взгляд Бойда.

– Дверь в детскую была заперта. Вероятнее всего, он спал.

Уок опустился на колени перед Робинсом. Еще подумал: «Почему он глазами блуждает, не смотрит на меня?»

– Робин, ответь, где твоя сестра?

* * *

Дачесс крутила педали. Ехала задворками по темным улицам, что вели прочь из города. Каждый раз при появлении автомобиля у нее дыхание перехватывало. Водители включали ближний свет, ощупывали Дачесс фарами, сигналили: мол, куда тебя нелегкая несет? Можно было выбрать более безопасный путь, через центр Кейп-Хейвена – но это означало четыре мили вместо трех. На лишнюю милю Дачесс не

имела сил.

Автозаправка на подступах к Пенсаколе, серую стелу с расценками на горючее венчает сине-красная эмблема «Шеврон корпорейшн». Дачесс спрыгнула с велосипеда, направилась к магазину. Успела отметить, что владелец древнего седана загородил проезд своей железякой. Пользуется тем, что ночь на дворе, не заморочился правилами парковки. Заливает бензин как ни в чем не бывало.

Завтра – точнее, уже сегодня – Робину исполняется шесть лет. Дачесс не допустит, чтобы, проснувшись, он не нашел подарка.

У нее одиннадцать долларов – стащила у Стар. По большей части Дачесс ненавидела мать, время от времени любила, а нуждалась в ней каждую секунду.

Возле кофемашины стоял коп – темный галстук, отутюженные брюки, холеные усы, грудь украшена полицейским значком. Подозрительный взгляд Дачесс проигнорировала, ну а в следующую секунду у копа затрещала рация, он бросил два доллара на прилавок и поспешил к выходу.

Дачесс бродила между стендов, косилась на высоченные холодильники с надписями «Пиво», «Содовая», «Энергетические напитки».

Настоящих тортов, какие покупают именинникам, не было. Дачесс попались капкейки бренда «Энтенманн»: упаковка из шести штук, розовая глазурь. Робин будет разочарован, хоть виду и не подаст; выказывать неблагодарность – это не

про него... Ладно хоть нарядные свечки есть в наличии. Всё вместе – пять баксов. Остается шесть.

За прилавком стоял парень лет девятнадцати, прыщавый и весь в пирсинге.

– А игрушки у вас есть?

Он указал на полку. Только пластик, каждая игрушка убога сама по себе, ассортимент скуден и жалок – хуже Дачесс и не видела. Набор волшебника, плюшевый кролик, коллекция разноцветных головных повязок и наконец кукла, при условном сходстве с Капитаном Америкой на него же и клеветущая. Дачесс в этого уродца буквально вцепилась. А стоял он семь баксов.

Она потащила Капитана Америку к полкам со сладостями. В очередной раз мысленно выругала Стар. По ее милости Дачесс не из чего выбирать. Капкейки не тянули на особенное угощение для именинника. Желтая потолочная лампа был настолько тусклой, что не давала свет, а, наоборот, высасывала волю и злость. Дачесс стояла и прикидывала, не сунуть ли свечки в карман, однако прыщавый юнец глаз с нее не сводил, будто в разуме ее измученном читал. Тогда она стиснула упаковку с капкейками ровно настолько, чтобы та потеряла товарный вид.

У прилавка пришлось спорить, демонстрировать помятость, требовать уценки. Юнец упирался, пока не скопилась очередь. Тогда он уступил один доллар; деньги от Дачесс принял, кривясь и хмурясь.

Она повесила сумку на велосипедный руль. Не успела отъехать от заправки, как пришлось снижать скорость – мимо промчалась полицейская машина, ошпарила Дачесс дальним светом, оглушительной сиреной раздвинула границы теплой ночи.

Позднее, уже зная обо всем, Дачесс жалела, что не растянула ту поездку, не вобрала в себя по каплям ту пограничную ночь. Нет чтобы прокатиться по пляжу, напиться звездным блеском, гулким шумом океана, запомнить накрепко каждый уличный фонарь на Мейн-стрит; вдохнуть и удержать в легких, в крови последний миг относительно нормального существования! Потому что да – было в основном плохо; но, едва Дачесс вырулила на Айви-Ранч-роуд, едва перед велосипедом расступились соседи, словно она здесь главная – ей открылась разница, пропасть между до и после.

Первым порывом при виде полицейского фургона было свалить. Потому что, собираясь за подарком Робину, Дачесс задержалась на Айви-Ранч-роуд. Отыскала камень с острыми гранями, проникла во двор Брендона Рока, приподняла брезент на бесценном «Мустанге» и оставила царапину – по всей двери и всему крылу; давила сильно, так что под краской серебристо блеснул металл. Брендон Рок избил ее мать – так вот же ему, выродку.

Но машин было несоразмерно много, и шуму тоже; и во взгляде Уока Дачесс прочла, что дело куда серьезнее порчи имущества.

Велосипед звякнул, уроненный Дачесс; глухо шлепнулась сумка. Один из копов заступил дорогу. Дачесс его лягнула, а он ничего, просто попятился. Где это видано?

Дачесс поднырнула под ограничительную ленту, затем – под руку другого копа, который хотел остановить ее. Ругательства в адрес этих конкретных и всех остальных копов так и сыпались с ее губ – все грязные слова, какие она только знала.

Слава богу, вот он, Робин – живой и невредимый. Уок играл желваками, стискивал губы – но по его глазам Дачесс поняла всё. Всё. Потому ее и в гостиную не пускают, и напрасно она бьется в руках Уока, и даже пытается обезвредить его, тыча пальцем ему в глаз. Напрасно сквернословит, грозит и визжит – все ясно и по отчаянному сопротивлению Уока, и по нечеловеческому вою Робина.

С Дачесс, повисшей у него на плечах, Уок вышел через заднюю дверь, во двор, где ее не могли видеть зеваки. Здесь он усадил Дачесс на землю и обнял, здесь она обозвала его ублюдком, здесь, чуть поодаль, бился в рыданиях Робин – словно миру конец.

Мимо сновали чужие – кто в полицейской форме, кто в штатском.

Все уже надеялись, что Дачесс затихла, – тогда-то она и высвободилась, и, согнувшись пополам, бросилась обратно в дом. Ей, ловкой и юркой, удалось проскочить, ворваться в дверь, да только за дверью открылась не кухня – потому что

целый дом скукожился до одной плоскости, до одной-единственной сцены.

Дачесс увидела маму.

Больше она не билась, не лягалась, не исторгала ругательств. Позволила Уоку обнять себя, взять на руки и вынести из дома, как ребенка – которым и была.

– Вы с Робинот сегоднѳ переночуете у меня, – сказал Уок.

Считанные ярды к автомобилю показались бесконечными – их троих буравили взглядами, слепили видеокамерой. Робин накрепко вцепился Дачесс в ладонь; сама она не имела сил даже зыркнуть на какого-нибудь зеваку, не то что огрызнуться вслух. Шевельнулась штора в доме Милтона, и на мгновение их взгляды скрестились, после чего Милтона поглотила тень.

Дачесс наклонилась за своей сумкой. Чуть ли не с удивлением увидела внутри капкейки, куклу, свечки.

Потом пришлось долго ждать в машине. Робин не выдержал – ночные часы подмяли наконец его маленькое тело. Он заснул подле Дачесс, но метался и стонал во сне, и при каждом вскрике Дачесс гладила его вихрастую макушку.

Наконец Уок сел за руль и медленно поехал с Айви-Ранч-роуд. Дачесс глядела в окно. Вот этот квадрат, вырезанный из ночи прожекторами, – ее дом; вот эта размытая тьма – ее жизнь.

Часть II. Большое небо

11

Уок вел машину, до упора опустив оконное стекло, поджаривая локоть на солнце. Равнины были как просторная грудная клетка, что ходит ходуном – на вдохе прерия, на выдохе степь, в промежутке пастбище. С восточной стороны поблескивала река, змеилась по территории четырех штатов, прежде чем влиться в Тихий океан.

Радио было выключено; мили полной тишины, оттененной стрекотом сверчков; да еще изредка прогрехочет добытый встречный грузовик. Водитель, непременно до пояса голый, либо опустит голову, либо уставится строго вперед – словно ему есть что скрывать. Сам Уок ехал на низкой скорости. Он уже давно толком не спал. Последнюю ночь они провели в мотеле, в двухкомнатном номере; дверь между комнатами Уок прикрыл неплотно, оставил щель. Еще в Кейп-Хейвене он предложил добираться до Монтаны самолетом, но мальчик заробел, и Уок вздохнул с облегчением – он и сам терпеть не мог летать.

Теперь Робин и Дачесс ехали на заднем сиденье, отвернувшись друг от друга. Казалось, каждый из них видит за окном пейзаж чужой и враждебной страны. О той ночи Робин

молчал. Ни Уок, ни сестра не дождались от него ни словечка. Равно как и полицейские, специально подготовленные для таких случаев. Вооруженные состраданием, они определили Робина в комнату, где со стен по-человечьи улыбались добрые звери (притом никаких режущих глаз красок, сплошные пастельные тона); дали ему карандаши и бумагу. В их интонациях и взглядах читалась безнадежность, будто Робин – хрупкий стеклянный сосуд – уже разбился вдребезги, и дело приходится иметь с кучкой осколков. Дачесс сохраняла презрительное выражение лица, руки скрещивала на груди, морщила нос, всем своим видом как бы говоря: знаю я ваши дешевые уловки, ничего у вас не выйдет.

– Как вы там, дети?

Ответа Уок не получил.

Позади оставались городишки в строительных лесах, водонапорные башни. Миль пятьдесят параллельно с хайвеем бежала железная дорога – обугленные откосы заросли ржавым бурьяном, словно с последнего поезда, здесь пропыхтевшего, миновала целая жизнь.

Уок снизил скорость у методистской церкви – беленые стены, кровля из светло-зеленого шифера и стрельчатый шпиль – будто указатель единственной достойной цели.

– Проголодались?

Уок знал, что Дачесс и Робин не ответят. Долгое путешествие – тысяча миль; трасса 80, тот отрезок, что пролег по опаленным просторам Невады, где земля и воздух одинако-

во сухие, одинаково пыльные. Целая вечность понадобилась, чтобы охре смениться на зелень; позади был штат Айдахо, впереди – Вайоминг; ехать предстояло как раз через Йеллоустонский национальный парк. В Дачесс ненадолго проснулся интерес к пейзажу.

Поесть остановились, не доезжая Твин-Ривер-Миллз.

Сели в общарпанной кабине, Уок заказал бургеры и молочные коктейли. В окно была видна заправка. Из арендованного трейлера выбрались молодые супруги с малюткой-дочерью, направились к закусочной. Девочка была до ушей перемазана шоколадом; мать хлопотала вокруг нее, на ходу вытирала ладошки и мордашку влажными салфетками, умиленно улыбаясь.

Робин даже про еду забыл, так на них и уставился. Уок накрыл ладонью узкое плечико, и Робин перевел глаза на свой коктейль.

– Всё будет хорошо, – вымучил Уок.

– А ты что – ясновидящий? – вскинулась Дачесс, будто только и ждала подобной реплики.

– Нет, но я с детства помню вашего дедушку. Он хороший человек. У него свое ранчо – огромное просто. Может, вам с Робинем там понравится. Свежий воздух и всё такое...

Уок сам понимал, что порет чушь, только не знал, как остановиться.

– Земли в Монтане плодородные...

Ну вот, только хуже сделал.

Дачесс закатила глаза.

– Ты говорил с Винсентом Кингом? – спрашивая, она не поднимала взгляда.

Уок промокнул губы салфеткой.

– Я... меня назначили помогать полиции штата.

Уока задвинули тем же утром. Единственное, на что его уполномочили, – это охранять место преступления, пока там работают криминалисты. Они уложились в двое суток. Перекрытие половины улицы организовал Уок, соседей опрашивал он же. Парни из полиции штата возились в доме Рэдли, во дворе торчал спецфургон. Затем они переместились в дом Винсента Кинга. И снова Уок обеспечивал охрану. Потому что всю жизнь служил в маленьком городке и не имеет опыта в столь серьезных расследованиях. Потому что кейп-хейвенский полицейский участок не справится. Так ему объяснили, а спорить он не стал.

– Его приговорят к смертной казни.

Робин обернулся – глаза были усталые, но взгляд пристальный, словно он усилием воли удерживал жизнь в тлеющих, почти догоревших углях.

– Дачесс...

– Для преступников вроде Кинга обратной дороги нет. Убить безоружную женщину, застрелить в упор – конечно, он достоин смерти. Глаз за глаз – верно, Уок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.